

ПУТЕШЕСТВИЕ

Убн-Фадлана

НА РЕКУ
ИТИЛЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ

АХМЕДА

Ибн-Фадлана

НА РЕКУ
ИТИЛЬ

И

ПРИНЯТИЕ

В БУЛГАРИИ

ИСЛАМА

*Древний текст пересказал
СУЛТАН ШАМСИ*

Издательство «МИФИ-СЕРВИС»

Книга выпущена издательством «МИФИ-СЕРВИС» (г. Москва)
совместно с фирмой «Дастан» (г. Казань)

Издатели выражают благодарность Национальной библиотеке Республики Татарстан за оказанную помощь при подготовке настоящего издания

Перед читателями популярное изложение сочинения Ахмеда ибн-Фадлана по тексту древней рукописи, впервые изданной на русском языке в 1939 году.

В книге описывается путешествие секретаря и фактического руководителя посольства Багдадского халифа аль-Муктадира к царю волжских болгар Алмушу сыну Шилки-злтабару. Рассказывается о крупном событии в истории Восточной Европы — официальном принятии в 922 году ислама в Волжской Булгарии.

Отчет Ибн-Фадлана отличается широтой охвата всего виденного, яркостью описания, соединенного с большой наблюдательностью, живым интересом к вопросам социальных отношений, быта, культуры и верований тюрок-огузов, хазар, русов, башкир, болгар. В сущности его сочинение является энциклопедией жизни средневековых этносов.

Рассчитана на тех, кто интересуется историей.

Издательство «МИФИ-СЕРВИС», код Г 10 (03), Москва
ISBN-5-87640-004-1, ББК 63.3

СВЕТ, ПРИШЕДШИЙ С ВОСТОКА

В истории каждого народа есть такие имена, интерес к которым никогда не ослабевает. А в отдельные периоды этот интерес даже возрастает. Кажется, мы ныне переживаем именно такое время.

В чем же состоит тайна привлекательности, я бы даже сказал, загадочности таких имен? Дело тут, мне кажется, заключается в размере того вклада, который эти люди внесли в культуру того или иного народа. Их вклад бывает так значителен, что каждое новое поколение с искренним восхищением и благодарностью преклоняет перед их подвигом колени и оценивает его по-новому. Именно такой личностью был Ахмед ибн-Фадлан.

Его полное имя Ахмед ибн-Фадлан ибн-аль-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад. О жизни этого человека, являвшегося секретарем посольства Багдадского халифа Джафара аль-Муктадира к царю волжских болгар Алмушу сыну Шилки-элтабару и оставившего подробный отчет о своем путешествии, известно очень мало. «Энциклопедия ислама» тоже дает о нем очень мало сведений. Однако достоверно известно, что он был старшим писцом-чиновником, находился под покровительством военачальника Мухаммеда ибн-Сулеймана, завоевавшего Египет в 904—905 годах для Багдадского халифа. Правда, уважаемая «Энциклопедия» выражает сомнение насчет арабского происхождения Ибн-Фадлана. Однако все его предки носили арабские имена.

Посольство, в котором он принял участие, официально возглавлял евнух халифа Сусан ар-Расси, но секретарем посольства был назначен именно Ибн-Фадлан. Это говорит о его высоких деловых качествах и авторитете, несмотря на смерть к тому времени его покровителя Мухаммеда ибн-Сулеймана. Именно на плечи секретаря ложилась вся черновая работа и ответственность за ведение дел и конечный исход предприятия.

Особой задачей ибн-Фадлана в этом посольстве были чтение письма халифа царю волжских булгар, приподнести ему и его близким подарки, наблюдать за факихами-юристами и муаллимами-учителями, которых халиф по просьбе Алмуша сына Шилки-элтабара послал для обучения булгар законам ислама.

Почему же все-таки повелитель правоверных согласился казалось бы на такое довольно сомнительное предпринятие. Сомнительное потому, что слишком уж далеко было расстояние до страны сакалиба, как называли арабы северные народы, которые находились почти что на краю «седьмого климата», т. е. известного тогдашним арабам мира.

А дело началось с того, что весной 921 года к двору халифа прибыл посол из отдаленной северной страны Абдаллах ибн-Башту, имевший прозвище Хазарин. Он привез письмо «царя булгар» халифу аль-Муктадиру, а также начальнику внутренних покоев дворца Назиру аль-Харами.

Сама возможность отправки из далекой Булгарии посла в столицу Исламской державы, на первый взгляд, кажется неожиданной. Потому что слишком уж неравными были тогда эти государства — Арабский халифат и скромная Булгария. Но это только на первый взгляд, если не учитывать наличия древних и прочных связей Востока с рекой Итиль, которая была важной торговой артерией. Но кроме водного существовал еще и караванный путь, связывавший реку Итиль с Средней Азией. Он шел из Хорезма, огибал Хорезмское (Аральское) море с юга, потом через сухое плато Усть-Юрт попадал в огузские земли, пересекал реку Яик (Урал), некоторое время тянулся вдоль Итиля и попадал в Булгар, где существовала международная ярмарка Ага-Базар. Это было своеобразное ответвление Великого шелкового пути. Далее он шел на северо-запад, обеспечивая Булгарию возможность играть посредническую роль в торговле между Северной Европой и Средним Востоком. Если учесть эти древние связи, отправка посла ко дворцу повелителя правоверных не покажется неожиданной.

Тем же путем проникала в Булгарию мусульманская религия. Ее везли, можно сказать, на торговых судах да на горбах верблюдов купцы. И в конце IX века исламу удалось здесь закрепиться, чему способствовала

существовавшая в Булгарии влиятельная община выходцев из Средней Азии.

Почему же Алмуш-элтабар решил отправить посла в далекий Багдад — Город Мира, как тогда говорили. Для чего это ему было нужно? Видимо, на это его толкнули особые обстоятельства, существовавшие в Булгарии. Дело в том, что в это время болгарские племена вплотную подошли ко второму этапу создания своей государственности.

Первый проходил еще в середине VII века в Приазовье, где ханом Курбатом болгарские племена были объединены в государство Великая Булгария, которая после смерти своего создателя под натиском хазар вскоре распалась. И вот в конце IX — начале X века болгарский этнос на новом месте опять созрел для восстановления своей утерянной государственности. Но этому мешало несколько причин.

Первая из них была внешняя — зависимость от Хазарского каганата. Ведь в своей книге Ибн-Фадлан прямо говорит, что болгары платят дань хазарскому хану, что он держит сына «царя болгар» у себя в заложниках и насильно берет дочь элтабара себе в жены.

Вторая из причин заключалась в отсутствии монотеистической религии (единобожия), которая скрепила бы единой идеологией языческие и полуязыческие племена Булгарии. Ведь язычество с его многобожием для этой цели не годилось. И вот Алмуш-элтабар решается на отчаянный шаг, при котором он одним выстрелом смог бы убить двух зайцев: приняв официально ислам из рук повелителя правоверных, он, во-первых, будет иметь у себя монотеистическую веру для своих подданных; во-вторых, это дало бы ему возможность освободиться от хазарской зависимости, так как для борьбы с ней в одиночку у него не было сил. А поддержка, хотя бы идеологическая, со стороны халифата была ему нужна как воздух. К тому же покровительство исламской державы повысило бы его авторитет в глазах подданных и соседних земель. А халифат и хазары — всегда были врагами, так что отправляя посла к двору халифа, Алмуш-элтабар мог всерьез рассчитывать на успех.

Собственно, так оно и получилось. Разумеется, в коротком вступительном слове нет необходимости останавливаться на подробностях сложной дипломатической игры при дворе халифа, которая детально анализируется в об-

ширной статье А. Ковалевского, помещенной в конце книги. Словом, через некоторое время в недрах дворца созрело решение отправить посольство и заключить союз с северным государством сакалибов-булгар. Видимо, здесь главную роль сыграли амбиции повелителя правоверных распространить в столь далекой стране свет ислама и желание досадить хазарам, вырвав Булгарию из-под их влияния.

Посольство покинуло Город Мира 11 сафара 309 г. х. (21 июня 921 г.), потом через Хамадан, Рей, Нишапур и Мерв направилось в Бухару, потом попало в Хорезм, где остановилось в аль-Джурджании (Ст. Ургенч), оттуда оно выехало 2 зулькада 309 г. х. (4 марта 922 г.), пересекло страну тюрков-огузов, печенегов, башгирдов и прибыло в Булгарию 12 мухаррама 310 г. х. (12 мая 922 г.).

Когда до ставки царя булгар оставалось расстояние одних суток пути, посольство встретили четыре подвластных Алмушу-элтабару князя, а также его братья и сыновья. «Они встретили нас,— пишет Ибн-Фадлан,— держа в руках хлеб, мясо, просо и поехали вместе с нами. Сам царь встретил нас на расстоянии двух фарсахов (12 км) от своей ставки. Увидев нас, он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь и благодаря великого и могучего Аллаха». Так посольство после стольких трудностей пути наконец-то достигло своей конечной цели. В последующие три-четыре дня в ставку Алмуша-элтабара с разных сторон Булгарии «собрались князья его земли, предводители и жители страны, чтобы слушать всенародно чтение письма повелителя правоверных».

И вот настал самый ответственный момент путешествия — торжественное оглашение письма халифа. Для этого были развернуты два привезенных знамени, оседлана присланная в подарок лошадь, самого Алмуша-элтабара одели в савад — черную одежду высших сановников двора повелителя правоверных, на голову ему надели чалму. После этого Ибн-Фадлан, ответственный за проведение церемонии, достал письмо халифа и начал его медленно читать, и Алмуш-элтабар слушал его стоя. «Переводчик не переставая переводил письмо буква в букву. Когда же мы закончили чтение, они дружно воскликнули «Велик Аллах!» таким криком, от которого задрожала земля», — пишет об этом событии Ибн-Фадлан. Этим актом Булгария официально приняла ислам государственной религией и тем самым стала частью мусульманского

мира. Так завершилось ее окончательное, как государство, оформление на политической карте мира.

После посольства из Багдада, фактическим руководителем которого был Ибн-Фадлан, восточные страны стали пристальнее всматриваться в процессы, происходящие в самой северной стране ислама. С этих пор Булгария, не говоря уже о купцах, стала больше привлекать внимание путешественников, ученых и писателей мусульманского мира. В географических и иных сочинениях чаще стали упоминаться болгары. В дальнейшем это вошло в традицию, сведения о наших предках переписывались, переходили из книги в книгу, что способствовало повышению международного авторитета Булгарии, набирающей силу.

Арабский писатель аль-Балхи в произведении «Эшкел-л-билад» («Картины земной поверхности»), сочиненном в 920—921 годах, т. е. до приезда Ибн-Фадлана в Булгар, писал, что в Булгаре имеется соборная мечеть. Неподдалеку от него находится город Сувар, где тоже есть соборная мечеть. Его современник, другой арабский писатель Ибн-Русте также писал, что большинство болгар исповедует ислам, в их селах имеются мечети и мектебы (школы), во главе которых стоят имамы и муэдзины. По утверждению Ф. А. Хвольсона, Ибн-Русте свое сочинение писал до 913 года, т. е. опять же до приезда посольства из Багдада.

Эти факты говорят о том, что к приезду Ибн-Фадлана ислам в Булгарии успел уже пустить глубокие корни. Естественно, с принятием ислама официальной идеологией государства обучение арабскому письму стало общедоступным. Вместе с грамотой к болгарам проникала и книжная культура мусульманского мира. На этой основе стала развиваться литература, наука, философия, появились труды по истории, религии, праву, медицине и т. д.

Испанский араб Абу Хамид аль-Гарнарти, живший некоторое время в городе Саксин на нижнем течении Итиля, в 1135—1136 и 1150 годах посетил Булгар и познакомился с кадием города Булгара Якубом бин Нугманом, автором труда «История Булгарии», который получил образование в далеком Нишапуре. А некоторые выходцы из Булгарии жили и творили даже в других странах. История сохранила нам имя знаменитого ученого Ходжа Ахмеда Булгари, оставившего труды «Аль-джамиг», «Ат-тарика», «Аль-фэваид», широко известные во всей Сред-

ней Азии и странах Востока. Специалисты утверждают, что он жил веком раньше вышеупомянутого Абу Хамида аль-Гарнати. А Сулейман бин Дауд Суварн (т. е. выходец из города Суварн), живший в первой половине XII века, написал на фарси труд нравоучительного характера, состоящий из 70 глав. Через некоторое время свою книгу он перевел на арабский, назвав ее «Нузхатэл-колубэл-мэраз» («Радующий больные души»). Потом, еще раз переделав и несколько сократив, назвал ее «Зэхрятэр-рийаз вэ нузхатэл-колубэл-мэраз» («Садовый цветок, радующий больные души») и она была широко известна не только в Итиль-Уральском и Каспийском регионах, но и в Анатолии, Средней Азии и даже в Герате. И таких примеров можно привести много.

Подобные факты красноречиво говорят о том, что приобщение к мусульманскому миру дало мощный толчок к развитию духовной культуры Булгарии. Без официального принятия ислама в 922 году болгарская литература вряд ли поднялась бы до тех высот, каким является знаменитое сказание «Кысса-и-Йусуф» Кул Гали, созданное в начале XIII века. В болгаро-татарской культуре много связано именно с датой официального принятия ислама. Этот рубеж стал той доминантой, которая привела в движение потенциальные культурные силы и через век-два дала блестящие результаты, которыми мы восхищаемся до сих пор.

В свете этих фактов некоторые положения статьи А. Ковалевского выглядят явно устаревшими и не выдерживают критики. Трудно согласиться с его утверждением, что «основная масса (булгар) отказалась принять ислам и постепенно стала переходить в более отдаленные места на западе, на правый берег Волги. Эта часть сохранила прежнее название суvas — чуваш». Надо сказать, что, во-первых, правобережье Итиля-Волги никогда не было местом сосредоточения «основной массы» населения Булгарии. На это указывает и сам Ибн-Фадлан, говоря, что только часть племени суvas объявила себя независимой и во главе у них стоял некий самозванец Вырыг. Отсюда ясно, что это была лишь часть одного племени суvas. А племен в болгарской конфедерации было много.

И, во-вторых, болгарская культура, а если взять в перспективе, то и болгаро-татарская — это культура мусульманская. А чувашн, котрым некоторые приписывают

булгарское наследие, никогда не были мусульманами, что доказано, между прочим, и археологически.

Когда думаешь о вкладе Ибн-Фадлана в болгаро-татарскую историю и о значении его наследия, невольно сравниваешь его с Геродотом, которого прозвали «отцом истории». Действительно, Ибн-Фадлан сделал для нашей истории то, что было совершено в древности Геродотом для истории европейских народов. В сущности, Ибн-Фадлан, этот скромный и трудолюбивый араб, спас нашу историю, тем самым обессмертив свое имя. Без его «отчета» в длинной цепи событий прошлого не доставало бы многих важнейших звеньев, которые из-за недостаточности источников очень трудно восстановить, и за этот труд мы должны отдать ему должное.

Я мечтаю о том времени, когда благодарные наследники болгаро-татарской культуры за великий человеческий и научный подвиг воздвигнут Ибн-Фадлану памятник. Трудом своим он сам себе его воздвиг. Дело теперь за нами.

*СУЛТАН ШАМСИ,
писатель.
г. Казань*

КНИГА АХМЕДА ИБН-ФАДЛАНА, ПОСЛА ХАЛИФА АЛЬ- МУКТАДИРА К ЦАРЮ САКАЛИБА

Книга Ахмеда ибн-Фадлана ибн-аль-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, доверенного лица повелителя правоверных, и Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хашимида, а также посла аль-Муктадира к царю сакалиба¹. В ней он, Ахмед ибн-Фадлан, сообщает увиденное своими глазами в стране тюрок, хазар, русов, болгар, башкир и других обитающих в тех землях народов, повествует также об их религии, обычаях, царях и обстоятельствах жизни и других делах.

И сказал Ахмед ибн-Фадлан:

Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки-элтабара² — царя болгар к повелителю правоверных аль-Муктадиру, в котором он просил его о присылке к нему вероучителей, чтобы преподать ему законы ислама, а также построить для него мечеть, в котором воздвиг бы для него кафедру-михраб, чтобы оттуда можно было бы от имени халифа произнести проповедь-хутбу в его собственной стране и во всех областях его государства. Кроме того он просил повелителя правоверных о постройке крепости, чтобы скрываться в ней от царей — своих противников. Дело завершилось тем, что повелитель правоверных халиф аль-Муктадир дал согласие, о чем элтабар болгар его просил.

Посредником в этом деле был Назир аль-Харамии. Я же назначен для прочтения элтабару болгар ответного письма халифа, когда туда прибудем, и вручения подарков, а также для надзора над знатоками права — факи-

¹ *Сакалиба* — арабы под этим словом подразумевали северные народы, в данном случае — болгар. В дальнейшем вместо сакалиба будет использовано слово «булгары».

² *Элтабар* — титул царя у болгар.

хами и учителями-муаллимами. Назиру аль-Харами были пожалованы деньги для постройки упомянутой нами крепости элтабару булгар и для уплаты жалования факхам и муаллимам, которые он должен был взыскать с поместья, называемого Арсахушмисан, в земле Хорезма. А поместье это принадлежало опальному везиру Ибн-аль-Фурату.

Послом к аль-Муктадиру от элтабара булгар прибыл человек по имени Абдаллах сын Башту, хазарин по происхождению. А послом со стороны халифа — Сусан ар-Расси, доверенное лицо Назира аль-Харами, и сопроводили его Тегин-тюрок и Барс-булгарин, и я вместе с ними, как уже сообщил. Итак, мне были вручены подарки для элтабара, его жены, его сыновей и братьев, а также для его предводителей, и лекарства, о которых он писал Назиру аль-Харами.

И вот настал день отправления в далекое путешествие. Мы выехали из Города Мира — Багдада в четверг, когда прошло одиннадцать ночей месяца сафара триста девятого года (21 июня 921 г.).

Сначала мы остановились в Нахраване на один день, отдохнув, поспешили в городок Даскару. В нем мы задержались три дня. Потом, не обращая ни на что внимания, быстрым ходом направились в Хулван. Тут оставались два дня. Оттуда поехали в Кирмисин, где пробыли опять два дня. Потом поехали в Хамадан и оставались в нем три дня. Затем дорога привела нас в Савз. Отдохнув там два дня, из него направились в Рей. Здесь же нам пришлось задержаться на целых одиннадцать дней, ожидая Ахмеда ибн-Али, брата Сулука, так как он в это время находился в Хуваре Рейском.

За город Рей все время шла борьба багдадского халифа, Саманидов и иранских феодалов. В 915/16 году Рей был взят войсками халифа аль-Муктадира, после чего был назначен сначала халифский губернатор, а потом правителем сделался брат вышеупомянутого Мухаммеда ибн-Али — Ахмед ибн-Али, т. е. «брат Сулука». Таким образом, посольство могло рассчитывать на его поддержку.

Потом мы отправились в Хувар Рейский и оставались там три дня. Затем следовали в Симнан, из него в Дамган. Там мы неожиданно встретили Ибн-Карана, который является членом партии «Призывающего к истине», т. е. партии правителя Табаристана. Поэтому мы вынуждены были спрятаться среди людей каравана и ехали поспеш-

но, пока не прибыли в крупнейший город Ирана — Нишапур. Полководец Лейла ибн-Нуман был уже убит и мы застали в нем Хаммуя Кусу, начальника войска Хорасана. Потом мы отправились в город Сирахс, из него в Мерв, оттуда в селение Кушмахан, находящееся на краю пустыни Амула (Восточные Каракумы).

Здесь мы оставались три дня, чтобы дать отдых верблюдам перед вступлением в пустыню. Потом пересекли пустыню до Амула¹, после чего переправились через реку Джейхун (Аму-Дарья) и прибыли в Афирабр, рибат Тахира ибн-Али — это укрепленный пограничный пост с каравансараем. Оттуда мы отправились в Бейкенд, затем въехали в город Бухару и прибыли к Джейхани². Этот человек является министром эмира Хорасана. За благодеяния и человеколюбие здесь его называют «шейх-опера». Он тут же распорядился достать для нас приличное жилье и назначил человека, который удовлетворял все наши потребности и затруднения, связанные с обустройством. Тут мы отдохнули несколько дней.

Потом он добился для нас приема у эмира Насра ибн-Ахмеда и мы вошли к нему. Эмир оказался безбородым юношей 16—17 лет. Однако мы приветствовали его в качестве эмира и он пригласил нас сесть. И первое, с чего начал разговор — были слова:

— Каким вы оставили моего господина, повелителя правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире и его благополучие — его самого, гвардейцев и приближенных?

Мы ответили:

— Оставили в благополучии.

Он сказал:

— Да прибавит ему Аллах благополучия!

Потом ему было прочтено письмо насчет отбирания поместья Арсахушмисан/от аль-Фадла ибн-Мусы Христианина, управляющего Ибн-аль-Фурата, и передачи его Ахмеду ибн-Мусе Хорезмийцу, а также относительно отправки нас и другого письма к его сопровителю в Хорезме, который устранил бы возникающие перед нами трудности и письма к Баб-ат-Тюрк (Врата тюрк)³, чтобы нам дали

¹ Амул — современный Чарджоу.

² Известный географ, министр Саманидов Абу-Абдаллах Мухаммед ибн-Ахмед аль-Джейхани.

³ Пост на Устюрте, на границе Хорезма, иначе — Врата страны тюрков-огузов.

соответствующую охрану. Это предохранило бы нас от опасных случайностей в пути.

На это он спросил:

— А где же сам Ахмед ибн-Муса?

— Мы оставили его в Городе Мира с тем, чтобы он выехал за нами через пять дней,— ответили мы.

Тогда он сказал:

— Слушаюсь и повинуюсь тому, что приказал мне мой господин, повелитель правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире.

Он сказал:

— Весть об этом дошла и до аль-Фадла ибн-Мусы Христианина, управляющего Ибн-аль-Фурата, и он начал плести сети вокруг дела Ахмеда ибн-Мусы. Он написал всем начальникам полиции по Хорасанской дороге на участке от гарнизонного города Сарахса и до Бейкенда, чтобы они послали соглядатаев на Ахмеда ибн-Мусу Хорезмийца по постоянным дворам, караван-сараям и сторожевым постам с описанием его внешности. При этом приказал, что если кто схватит его, пусть держит под стражей, пока не будет получено наше письмо, которому и нужно следовать.

Итак, Ахмед ибн-Муса был взят в Мерве и посажен под стражу. Мы же оставались в Бухаре в течение двадцати восьми дней. Между тем, аль-Фадл ибн-Муса Христианин, оказывается, еще раньше договорился с Абдаллахом сыном Башту и другими из наших спутников, которые начали требовать:

— Если мы останемся здесь, то неожиданно нагрянет зима и время для въезда в Хорезм будет упущено, а Ахмед ибн-Муса, когда выполнит свои обязательства, догонит нас¹.

Он сказал:

— Я видел дирхемы Бухары разных цветов, в частности, дирхемы аль-гитрифийа, названные так по имени правителя Хорасана Гитриф ибн-Ата. Они состоят из меди, красной меди и желтой меди. Сто таких дирхемов по весу равны дирхему из серебра. А вот порядок взятия калыма за женщин у них таков и выражается в следующем: «Женится сын такого-то на дочери такого-то за

¹ Предполагается, что Ахмед ибн-Муса был «покупателем» конфискованного у Ибн-аль-Фурата имения Арсахушмисан в Хорезме и заранее, еще в Багдаде, условился о его цене.

столько-то и столько-то тысяч дирхемов аль-гитрифийа. Точно таким же образом происходит у них покупка недвижимого имущества и покупка рабов: другими дирхемами они не пользуются. Кроме того у них существуют еще дирхемы, чеканенные только из желтой меди. Сорок из них равны одному данаку, что составляет шестую часть дирхема. Еще у них есть дирхемы желтой меди, называемые самаркандскими. Шесть из них равны данаку.

Итак, когда я услышал от Абдаллаха ибн-Башту и от других предостережение насчет внезапного наступления в этих местах зимы, мы выехали из Бухары, возвратились к реке и наняли корабль до Хорезма. А расстояние от места, где мы наняли корабль, и до места нашего прибытия составляет более двухсот фарсахов¹. Так что пришлось плыть несколько дней. Путешествие по реке не прошло для нас гладко, так как было довольно холодно.

Приплыв в Хорезм, мы явились к эмиру города. Это был Мухаммад ибн-Ирак, хорезмшах. Он отнесся к нам очень благосклонно, одарил подарками, устроил как следует, дав нам жилье. На третий день пригласил к себе, обсудил с нами вопрос о нашем въезде в страну тюрок и сказал:

— Не могу я вам разрешить дальше ехать и не годится мне оставлять вас одних, чтобы вы напрасно рисковали бы жизнью. Я знаю, эту хитрость вам подстроил этот отрок, то есть Тегин, так как он у нас раньше жил и занимался продажей железа в стране неверных. Это он обманул Назира аль-Харамии и уговорил его обратиться к повелителю правоверных и передать ему письмо от царя сакалибов. Великий эмир, то есть эмир Хорасана, имел бы больше права установить проповедь-хутбу от имени повелителя правоверных в этой стране, если бы он нашел это полезным.

Потому что вы далеко, в Багдаде, и между вами и этой страной, о которой вы говорите, живут тысяча племен неверных. И это, я считаю, несправедливо по отношению к эмиру. Итак, я вам советую: нужно отправить письмо к великому эмиру, чтобы он связался с халифом, да поможет ему Аллах в этом, путем переписки, а вы же останетесь здесь, пока не придет ответ.

Так и ушли мы от него ни с чем. Потом мы снова пришли к нему и всячески старались подлаживаться и льстить, и говорили:

¹ *Фарсах* — расстояние в 6—7 километров.

— Вот вам приказ повелителя правоверных и его письмо... Какой же смысл вторично обращаться к нему, чтобы он снова разрешил нам ехать.

...Итак, мы спустились из Хорезма в аль-Джурджанию. Между ней и Хорезмом по воде расстояние пятьдесят фарсахов.

Я видел в Хорезме дирхемы: обрезанные, и свинцовые, и неполновесные, и медные. Дирхем они называют «тазджа», вес его четыре данака с половиной. Тамошние менялы продают игральные кости, волчки и дирхемы. Хорезмийцы — люди очень грубого нрава. Их разговор похож на крики скворцов. В Хорезме, около аль-Джурджании на расстоянии одного дня пути есть селение Ардакуа. Население его называется кардалийцами. Их разговор напоминает кваканье лягушек. Они отрекаются от повелителя правоверных Али ибн-абу-Талиба, да будет им доволен Аллах, к концу каждой молитвы.

Таким образом, мы задержались в аль-Джурджании на много дней. Река Джейхун вся замерзла, толщина льда доходила до семнадцати пядей, кони, мулы, верблюды и повозки проезжали по льду, как по дорогам. А он был тверд и не трескался. И таким он оставался в течение трех месяцев. И мы там увидели страну, напоминающую страну холода — аль-Замхарир, ворота которой открылись нам. Снег там идет всегда с сильным порывистым ветром. Если кто из числа жителей этой страны захочет сделать приятное своему приятелю, то он говорит ему: «Давай-ка поднимемся ко мне, побеседуем... У меня там очаг горит». И тем самым он оказывает ему наибольшее свое благодеяние и выражает благосклонность. Однако великий Аллах оказал им милость насчет дров, — он сделал их дешевыми в их стране. Повозка дров дерева «таг», а это по-арабски аль-гада¹ — стоит каких-нибудь два дирхема.

А нищие имеют там привычку не останавливаться и ждать у дверей, а сразу входят в дом и садятся у горящего огня, чтобы согреться. Потом же говорят: «паканд», что означает «хлеб». И ему что-нибудь дают поесть, если же нет — он покидает дом.

Наше пребывание в аль-Джурджании затянулось так долго, что мы пробыли здесь остаток месяца раджаба, по-

¹ Дерево аль-гада — саксаул.

том месяца шагбана, рамадана и шавваля. Это случилось из-за лютых морозов.

Действительно, мне приходилось слышать рассказ о том, как два человека с двенадцатью верблюдами отправились в лес за дровами. Но так случилось, что они оба забыли взять с собой огниво и трут. И пришлось им заночевать без огня. Когда же они утром проснулись, то верблюдов нашли замерзшими. И действительно, мне приходилось наблюдать звенящий от мороза воздух, и базар, и улицы при такой погоде пустеют до того, что не встретишь ни одного человека. И не раз выходил я из бани и, когда входил в дом и смотрел на свою бороду, она оказывалась белая, как снег. И оттаивала она лишь тогда, когда я садился у огня.

И действительно, там целые дни мне приходилось сидеть дома, а в доме же была поставлена тюркская юрта, и я сидел в ней, укутавшись всевозможной одеждой и покрывшись мехами. И все же щека моя примерзла к подушке. Однажды я видел, как кожаные мешки для жидкости, покрытые овечьими шкурами, замерзнув, ночью лопались и трескались. Так что не помогло даже утепление. И действительно, я наблюдал, как от сильного мороза на земле образовывались глубокие трещины и раскололось на две половины старое дерево.

Когда прошла половина месяца шавваля триста девятого года, погода начала меняться, лед на реке Джейхун растаял, и мы принялись готовиться к путешествию. Мы купили тюркских верблюдов и велели сшить дорожные мешки из верблюжьих кож для переправы через реки, через которые нам придется переправляться в стране тюрков. Мы запаслись в дорогу также хлебом, просом и сушеным мясом на целых три месяца. Мы попросили жителей той страны, с кем дружили, помочь нам достать необходимое количество одежды. Но их слова ужаснули нас тем, что они рекомендовали брать одежды слишком много. Но когда мы увидели все своими глазами, то одежды потребовалось вдвое больше того, о чем нам говорили.

Итак, на каждом из нас была надета куртка, поверх нее кафтан, поверх него шуба, поверх нее войлочная шапка и башлык, из которого видны были одни глаза. Кроме того, на нас были надеты шаровары однослойные, шаровары с подкладкой, гетры, сапоги из мягкой кожи, поверх них еще сапоги, так что ехать верхом на верблюде было мучительно, ибо от множества одежд никто не мог поше-

велиться. И отстали от нас факих, муаллим и отроки, выехавшие с нами из Города Мира — Багдада. Они побоялись ехать в эту далекую страну.

Решились ехать дальше я, посол, его свояк и двое отроков: Тегин и Барс. В день отъезда я сказал им:

— Слушайте! С вами едет отрок царя болгар, и он в курсе вашего дела. С вами письмо халифа, и я не сомневаюсь, что в нем содержится сообщение о посылке четырех тысяч мусаййабских динаров для царя болгар. Когда вы прибудете к чужеземному царю, от потребует от вас уплаты.

Тогда они сказали:

— Не бойся этого. Наверное, он не потребует от нас уплаты денег.

Я же решил их предостеречь и сказал:

— Я знаю, он все равно потребует от вас уплаты. Но они не приняли моих предупреждений.

Предполагается, что эту сцену Ибн-Фадлан придумал для оправдания своих действий в связи с какими-то событиями, происшедшими уже по прибытии посольства к болгарам.

Караван был готов отправиться в путь. Мы наняли проводника из жителей Джурджании по имени Фалус. Потом, положившись на волю великого и могучего Аллаха и поручив ему наше дело, из Джурджании мы отправились в дорогу. Это произошло в понедельник по истечении двух ночей месяца Зу-ль-када триста девятого года (4 марта 922 г.). Затем мы остановились в рибате, называемом Замджан, что является Баб-ат-Тюрк (Врата тюрок). На другой день мы продолжили наш путь и остановились на стоянке Джит. Пошел сильный снег и верблюды утопали в нем по колено.

На этом месте мы стояли два дня и углубились в страну тюрок. Мы шли прямо, не сворачивая никуда, и никто нам не встретился в этой пустынной степи без единой горы. Мы ехали по ней целых десять дней и пришлось нам испытать всякие бедствия и трудности, сильный холод сменялся выпадением снегов, при котором холода Хорезма казались нам летними днями. И мы не замечали ничего, мимо чего шли, так как наши души были близки к гибели.

В течение нескольких дней стоял лютый мороз. Тегин ехал вместе со мной, а рядом один тюрок, который разго-

варивал с ним по-тюркски. И вот Тегин неожиданно засмеялся и сказал мне:

— Послушай-ка, этот тюрк говорит тебе: чего это господин хочет от нас? Вот он мучает нас холодом, если бы мы знали, чего он хочет, обязательно предоставили бы ему.

Тогда я ответил Тегину:

— Скажи ему, я хочу услышать от них слова: «Нет бога, кроме Аллаха».

Тюрк же засмеялся и сказал:

— Если бы вы нас этому научили, обязательно выполнили бы.

Потом мы остановились на отдых. На этом месте росло много деревьев «таг». Я наломал веток, развел огонь и мои спутники согрелись, сняли одежды и подсушились. Отдохнув, мы снова продолжили путь. Ехали каждый день от полуночи до захода солнца, потом шли до полудня самым быстрым ходом, какой только может быть. Потом делали остановку.

Когда проехали пятнадцать дней, достигли высокой каменистой горы, где нашли много источников. Перевалив через гору, прибыли к тюркскому племени гуззов. Они кочевники, живут в войлочных юртах и переходят с места на место. Их дома видишь то в одном месте, то в другом.

Это жалкие безбожники. Они, как блуждающие ослы, не проявляют покорности Аллаху, не ценят ученость и ничему не поклоняются. Но стариков своих они уважают, старейшин же почитают особо. Когда кто-то из них хочет спросить совета у старейшины, он говорит ему:

— О, господи, как мне поступить в таком-то и таком-то деле?

А свои дела они решают на совете. Но вот что странно: как только они договорятся между собой о чем-нибудь, врывается самый ничтожный из них и своим несогласием расстраивает все дело. Мне приходилось иногда слышать от них: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Аллаха». Тем самым они как бы подражают мусульманам, которые проезжают у них, но настоящей веры в них нет. А если произойдет с кем-нибудь из них беда и случится какая неприятность, он поднимает голову к небу и взывает: «Бер тэңре!» А это по-тюркски означает «Клянусь богом единым!», так как «бер» по-тюркски «один», а «тэңри» — на их языке означает «бог».

Они не очищаются ни от кала, ни от урины и не омываются от половой нечистоты. И вообще они не моются водой, особенно в зимнее время. Женщины там не закрываются ни от мужчин, ни от посторонних, тело тоже не скрывают ни от кого из людей. И действительно, как-то произошел с нами такой случай: когда мы остановились у одного из местных жителей и уселись побеседовать, жена хозяина была с нами. И вот во время разговора она открыла свой «фадж» и, нисколько нас не стесняясь, почесалась там. Мы от стыда закрыли лица и произнесли: «Прости нас, Аллах!» А муж ее засмеялся и сказал переводчику:

— Скажи им: хотя она и открывается в вашем присутствии и вы видите ее, но она охраняет себя так, что никого туда не допустит. Это все же лучше, чем если бы она закрывалась, и вместе с тем уступала себя кому-то.

Блуд им вообще не известен. Но если все же кого-либо уличат в этом, разрывают на две части: сгибают деревья друг к другу и человека привязывают к его веткам. Потом одновременно отпускают оба дерева — и человека разрывает на части.

Как то один из них сказал:

— Дай мне услышать чтение.

И чтение Корана ему так понравилось, что он через переводчика попросил:

— Не умолкай.

В другой раз этот человек снова обратился ко мне через переводчика:

— Скажи этому арабу: если ли у Аллаха могучего и великого жена?

Услышав эти слова, я ужаснулся богохульству, произнес «Слава Аллаху» и «Помилуй Аллах». Эти слова он повторил за мной. И вообще у тюрков такое правило — всякий раз, когда они услышат молитву мусульманина, говорящего: «Нет бога, кроме Аллаха», эти слова они повторяют за ним.

А женятся они по такому обычаю: если кто-то из них сватает какую-нибудь женщину из другой семьи, то он должен главу семейства одарить такими-то и такими-то хорезмийскими одеждами. И когда он сделает это, то везет невесту к себе. А иногда калым берут верблюдами, лошадьми или чем-нибудь подобным. И ни один не соединится с женой, пока не уплатит калым, на который согласился родственник женщины. Если же калым уплачен,

то жених без стеснения приходит к ним в дом и уводит свою невесту в присутствии домашних. И никто не может помешать ему в этом — ни отец, ни мать, ни братья невесты. Если же умирает отец семейства, то старший из сыновей женится на жене отца в том случае, если она не была ему матерью.

Ни один из купцов или кто-нибудь из чужих не имеет права совершать там омовение днем при свидетелях, разве что ночью, когда они его не видят. Это запрещено, так как они при этом гневаятся и говорят: «Он хочет нас околдовать. Видите, как он усталился в воду!» Такого человека они заставляют платить штраф.

У них еще существует обычай, по которому каждому мусульманину, приехавшему в их страну, приходится заводить друга из их среды, у кого он останавливается. Гость обязан привезти из мусульманских стран одежды, а для жены хозяина покрывало, немного перца, проса, изюма и орехов. И вот, когда гость приезжает к своему другу, тот сразу же ставит для него юрту и пригоняет ему столько овец, сколько может. Так что мусульманину остается только закалывать их. А сами тюрки животных не закалывают, а убивают их, ударив по голове.

Если же гость-мусульманин собирается уехать и ему необходимы для этого верблюды хозяина или его лошади, или он нуждается в деньгах, то он оставляет у своего друга-тюрка то, что имеет. При этом он берет у хозяина его верблюдов, лошадей или другого имущества столько, сколько ему нужно, и отправляется в путь. А когда возвращается обратно, возмещает ему взятые деньги, а также возвращает его верблюдов и лошадей. А если останавливается у тюрка человек, которого он не знает, и если тот ему скажет: «Я твой гость и мне необходимо столько-то верблюдов, лошадей и дирхемов», то он отдает ему все, что тот просит.

И если купец умрет в той самой земле, куда отправился, и караван возвращается без него, тюрок, встретив их, спрашивает: «Где мой гость?» Если же говорят: «Он умер», то караван обязательно разгружается. Потом тюрок выбирает самого богатого из купцов каравана, развязывает его имущество и при свидетелях берет из его дирхемов ту часть, какую отдавал умершему купцу, а также берет у него столько же верблюдов и лошадей. Это сопровождается словами: «Умерший ведь приходится тебе двоюродным братом и тебе следует уплатить за него».

А если первый купец просто сбежал, не заплатив долга, то тюрк говорит второму: «Убежавший такой же мусульманин, как и ты. Возмести же у него», — и берет у него свою долю. А если тот не согласится с этим, то тюрк старается узнать местонахождение его через других. Если все же его направят по следу убежавшего, он едет за ним несколько дней, пока не найдет и не заберет у него свое имущество и подарки.

Есть у них еще такой обычай: если тюрк приезжает в Джурджанию, то останавливается у своего гостя и живет там пока не уедет. Если же тюрк вдруг умрет у друга-мусульманина, а потом в проходящем караване окажется друг того мусульманина, так и знай — они убьют его. При этом говорят: «Ты убил его, посадивши в тюрьму. Если бы ты не задержал его, он остался бы жив». Так же они поступают, если мусульманин напоил его набизом¹ и тюрк свалился спяну со стены и разбился, — в этом случае они тоже убивают его. Если же виновного в караване не окажется, они выбирают самого видного из них и тоже убивают.

Педерасты, т. е. люди, занимающиеся мужеложством считаются у них преступниками. Как-то остановился у людей из рода Кюзеркина — а это наместник царя тюрок — один хорезмиец, жил там некоторое время для покупки овец. У хозяина-тюрка был безбородый сын, который очень приглянулся хорезмийцу. Тот все время ухаживал за ним и склонял его к мужеложству, пока не добился своего. И пришел тюрк и застал их при этом занятии. Возмущившийся тюрк пожаловался об этом Кюзеркину. Тот сказал ему: «Собери тюрок».

И народ собрался. Кюзеркин же спросил тюрка:

— Какого суда ты хочешь: справедливого или лживого?

Тот ответил:

— Справедливого.

Кюзеркин сказал:

— Приведи своего сына.

Он привел его. Кюзеркин же сказал:

— Следует, чтобы твой сын и купец были убиты.

Тюрк возмутился и ответил:

— Я не отдам своего сына.

На что Кюзеркин сказал:

¹ *Набиз* — род хмельного напитка.

— Тогда купцу придется дать выкуп за себя.

Купцу-хорезмицу пришлось раскошелиться. Он заплатил тюрку овцами за ущерб его сыну, а также Кюзеркину за снятие с него наказания и вскоре уехал из страны тюрков.

Первый из главарей, кого мы там встретили, был Йынал-младший. Он прежде принял было ислам. Но ему сказали: «Если ты принял ислам, не можешь быть главным над нами». И ему пришлось отказаться от ислама. Когда мы прибыли к нему, он сказал:

— Я не могу дать вам разрешение продолжить ваш путь, так как ничего подобного мы раньше не слышали и не думали, что такое посольство бывает.

Тогда мы решили его подкупить, подарили ему джурджанский кафтан стоимостью в десять дирхемов, кусок материи пайбаф, лепешки хлеба, пригорошни изюма и сто орехов. Когда же мы вручили ему все это, он поклонился нам до земли. А у них такое правило,— если человек оказывает уважение другому человеку, он кланяется ему до земли.

Он сказал:

— Если бы мои дома были близки к караванной дороге, я обязательно доставил бы вам овец и дружеские подарки.

Потом он удалился от нас.

Мы отправились в путь. На следующий день нас встретил жалкий на вид тюрк, настоящий оборванец и к тому же очень тощий. В это время шел сильный дождь.

Тюрк крикнул:

— Стойте!

И караван из трех тысяч лошадей и пяти тысяч человек тотчас остановился. Тюрк приказал:

— Ни один из вас дальше не пройдет!

— Мы — друзья Кюзеркина,— сказали мы.

Он вдруг засмеялся и сказал:

— Кто такой Кюзеркин? Плевать я на него хотел!

Потом он сказал «паканд», что на языке Хорезма означает «хлеб». Тогда я отдал ему лепешки хлеба. Он взял их и сказал:

— Проезжайте, я пожалел вас.

И мы двинулись дальше.

Мы узнали у них еще о следующих порядках: если вдруг заболит из тюрков человек, имеющий рабынь и рабов, то они служат ему, и никто из его близких не при-

ближается к нему. Для него ставят отдельную палатку в стороне от других юрт, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет.

Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой степи и отъезжают подальше.

А если умрет кто-нибудь из них, то для него выроют большую яму в виде жилища, положат его туда, наденут куртку, пояс, лук... вложат в его руку деревянный кубок с набизом, а также поставят перед ним деревянный сосуд с тем же питьем. Потом принесут все его имущество и положат с ним в этой яме. После этого эту яму-дом покроют настилом и насыпят сверху нечто вроде купола из глины (курган). Затем в зависимости от численности убьют сто, двести, или же всего одну его лошадь и съедят их мясо, кроме головы, ног, шкуры и хвоста. И, право же, они все это развешивают на деревянных сооружениях и говорят: «На этой лошади он поедет в рай».

Если же он был храбр и когда-либо убил человека, то вытесывают из дерева изображения по числу убитых, помещают их на его могиле и говорят: «Эти люди будут служить ему в раю». Если же сородичи отложат обычай жертвоприношения лошадьми на день или два, то их это заставляет совершить какой-нибудь старик из числа старейшин. Он им говорит: «Я видел во сне покойного и он сказал мне: «Вот видишь, товарищи меня уже перегнали, и на ногах у меня от ходьбы образовались язвы. Я не догнал их и остался в одиночестве».

Услышав от старейшины такие слова, они берут лошадей усопшего и убивают их, потом шкуры растягивают на его могиле. И когда пройдет день или два, приходит к ним старейшина и говорит: «Я видел во сне усопшего и он сказал мне: «Сообщи моим близким и товарищам, что я догнал тех, кто обогнал меня, и нашел себе успокоение».

Здесь мы также узнали, что тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Мне приходилось видеть среди них дряхлых стариков с выщипанными бородами, разве что клок оставался под подбородком. И если такой старик наденет шубу, он становится похожим на козла.

Царя тюрков-гуззов называют йабгу, это — титул повелителя. Царствующий над племенем называется этим титулом. А заместитель его носит титул кюзеркин. И вообще каждый, кто замещает их главаря, называется кюзеркин.

Когда мы уже покидали землю этих тюрков, останови-

лись у главного их военачальника. Его звали Этрэк сын Катагана. Он разбил тюркские юрты и поместил нас в них. У него много челяди, большая свита и просторные юрты. Он приказал пригнать нам много овец, привести лошадей, чтобы мы закалывали овец и ездили верхом на лошадях. Он созвал свих домочадцев, сыновей своего дяди по отцу и приказал убить для них много овец, чтобы угощались.

А мы до этого преподнесли было ему подарок: одежду, изюм, орехи, перец и просо. Я видел его жену, которая раньше принадлежала его отцу. Вот она взяла немного мяса и молока и кое-что из того, что мы подарили мужу, покинув ставку, вышла в открытую степь, вырыла яму и погребла в ней то, что принесла с собой. При этом произнесла какие-то слова.

Я спросил переводчика:

— Что она там говорит?

Он сказал:

— Говорит, что это подарок для Катагана, отца Этрэка, который ему преподнесли арабы.

Дождавшись ночи, я и переводчик вошли в юрту Этрэка. Он в это время отдыхал. С нами было письмо к нему от Назира аль-Харамии, в котором он предлагал ему принять ислам. При этом он посылал ему в подарок пятьдесят динаров, среди которых было и много динаров мусайабских, кроме того три мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды, из которых мы скроили для него две куртки. Вдобавок к тому мы преподнесли ему сапоги из красной кожи, одежду из парчи и пять шелковых одежд. Таким образом, мы вручили ему все эти подарки, а жене его подарили чадру и перстень.

Я прочитал ему письмо. И он сказал переводчику:

— Пока вы не возвратитесь из путешествия, я ничего сказать не могу. Когда вернетесь обратно, напишу халифу о своем решении.

Сказав это, он снял с себя парчовую одежду, чтобы надеть подаренные нами вещи. И тогда я увидел бывшую под ней куртку — она от долгого ношения и грязи распалась на лохмотья. Это и не удивительно, так как правила у них таковы, что никто не снимает с себя одежду прежде, пока она не рассыпется на куски. С выщипанной бородой и усами этот человек напоминал евнуха из гарема.

Я слышал, как тюрки рассказывали, что Этрэк у них самый ловкий наездник. И действительно, однажды, когда

мы ехали с ним верхом на коне, я увидел летящего гуся. Он вдруг натянул лук и погнал своего коня. Потом прицелился, выстрелил и сбил птицу вниз. Оказалось, что он и стрелок отличный.

Как-то он собрал к себе подчиненных ему предводителей — Тархана, Йынала... и Баглыза. Самый знатный и выдающийся среди них был Тархан, который оказался хромым, слепым и сухоруким.

Этрэк сказал им:

— Перед вами послы арабского халифа к моему зятю Алмушу сыну Шилки. И я решил посоветоваться с вами об этом.

Тогда Тархан сказал:

— Раньше мы ничего такого не видели и не слышали, и мимо нас никогда не проходил посол какого-либо государя. Такого не знали и наши отцы. Мне кажется, это не иначе, как хитрость халифа, который послал этих людей к хазарам, чтобы поднять их войной против нас. Лучше всего разрезать этих послов пополам и отобрать у них имущество.

А другой из них сказал:

— Нет! Убивать не надо. Возьмем их вещи, самих оставим голыми и отправим туда, откуда они прибыли.

А третий возразил:

— Нет! Нельзя! У царя хазар есть наши пленные. Так пошлем их, чтобы выкупить ими пленных.

И так они спорили целых семь дней, решая наши судьбы. Мы же в это время подвергались смертельной опасности. Потом они сошлись на том, что решили нас отпустить. Мы подарили Тархану мервский кафтан и два куска материи пай-баф, остальным предводителям — по куртке. Мы вручили им также перца, проса, лепешек хлеба, и они удалились от нас.

Потом мы отправились в путь и прибыли к реке Йаганды¹. Люди вытащили свои дорожные мешки — а они сделаны из шкур верблюдов — и расстелили их на земле. Затем завели на них округлых тюркских верблюдиц, чтобы с помощью их растянуть мешки. Потом они наполнили мешки одеждой и вещами, завязали крепко, спустили на воду и сверху сели от четырех до шести человек. Взяв в руки

¹ *Йаганды* — река Чаган, вытекает из южных отрогов Мугоджарских гор и течет прямо у подножия Северного Чинка (Западный Казахстан).

шесты из дерева хаданг, положили их как весла и стали грести. Вода понесла их по течению, вертела как хотела, и это продолжалось до тех пор, пока они не пристали к противоположному берегу. Что же касается лошадей и верблюдов, то их криками вынуждали переправляться вплавь. При такой переправе на противоположный берег прежде всего переправляется отряд вооруженных людей для защиты каравана. Это делается для того, чтобы здешние башкиры не напали на караван врасплох.

Итак, мы переправились через реку Йаганды именно таким способом. После этого таким же образом переправились через реку Джам. Затем перешли через реки Джыхыш, Узил, Эрдэн, Варыш, потом Анхаты, Вабна — это большие реки.

Потом мы прибыли к печенегам. Они стояли у воды, напоминающей настоящее море. Печенеги — темные брюнеты с бритыми бородами, в противоположность гуззам, очень бедны. Среди гуззов же я видел людей, владеющих десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец. Их овцы в основном находятся на подножном корму, выбивают его копытами и разыскивают сухую траву. Если же ее не находят, то грызут снег и жиреют до крайности. Курдюки этих овец волочатся по земле. С наступлением лета они едят траву и худеют.

У печенегов мы стояли один день. Потом отправились в путь и сделали остановку у реки Джайх¹. Это самая большая река, которую мы видели, и она с самым быстрым течением. И действительно, я видел, как перевернулся дорожный мешок при переправе, и люди потонули. И вообще при переправе через нее мы потеряли много людей, верблюдов и лошадей. Мы переправились через Джайх с большим трудом.

Через много дней пути нам пришлось переправляться через реку Джаха², потом реку Ирхиз, Бачаг, Самур, Кинал, Сух, после реку Кюнджюлю. Переправившись через эти реки, мы попали в страну башкир, которые относятся к тюркскому племени. Мы очень остерегались их, потому что это худшие из тюрков, самые грязные и более других склонные к убийствам. Встречает там чело-

¹ Джайх — Яик или река Урал.

² Джаха — река Чеган, правый приток реки Урал; Ирхиз — Иргиз; Бачаг — Моча; Самур — Самара; Кинал — Кинель; Сух — Сох; Кюнджюлю — Кондурча. Таким образом, караван посольства обходит Самарскую Луку.

век человека в степи, отрубает ему голову и берет с собой, а тело оставляет.

Они бреют свои бороды и едят вшей. Я наблюдал, как один из них тщательно исследовал швы своей куртки и разгрызал вшей зубами. Среди нас был один башкир-мусульманин, который прислуживал нам. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде, раздавил ее своими ногтями и слизнул языком. Видя, что я это наблюдаю, сказал: «Прекрасно!»

Каждый из них вырезает палочку величиной с фаллос (мужской половой член) и вешает на шею. Когда он отправляется в путешествие или встретит врага, то целует палочку, поклоняется ей и говорит: «О господи, сделай мне то-то и то-то».

Я сказал переводчику:

— Спроси-ка кого-нибудь, почему они так делают и какой в это вкладывают смысл? И почему своим господом сделали фаллос?

Башкир нам ответил:

— Потому что я появился на свет благодаря этому и не знаю иного создателя, чем это.

Как-то один из них сказал, что у него двенадцать богов: бог зимы, бог лета, бог дождя, бог ветра, бог деревьев, бог людей, бог лошадей, бог воды, бог ночи, бог дня, бог смерти, бог земли, а самый большой бог находится на небе. Однако он со всеми остальными живет в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его брат. От себя же могу добавить, что наш Аллах превыше всего, о чем говорят эти нечестивцы, Аллах велик возвышенным величием.

Мы видели, как одна группа из них поклоняется змеям, другая — рыбам, еще одна — журавлям. Мне рассказали, что башкиры когда-то вели войну с какими-то врагами, притом эти враги нанесли им поражение и обратили их в бегство. Когда это произошло, журавли так сильно закричали позади их врагов, что те испугались и сами обратились в бегство. За помощь с тех самых пор эти башкиры стали поклоняться журавлям и говорить: «Журавль — наш бог, потому что он обратил в бегство наших врагов». За это они им и поклоняются.

Через некоторое время мы уехали из страны башкир и переправились через реку Джарамсан (Черемшан), потом перешли реку Уран (Урен), Урам (Урым), Байнах (Майна), Ватыг (Удга-Утка), Нийасна, потом через

реку Джавшыз. Расстояние между первой и последней рекой составляет от двух до четырех дней пути.

Когда же мы были от царя булгар на расстоянии одних суток пути, он послал нам навстречу четырех князей, находящихся под его властью, а также своих братьев и сыновей. Они встретили нас, держа в руках хлеб, мясо, просо, и поехали вместе с нами. Сам царь встретил нас на расстоянии двух фарсахов от своей ставки. Увидев нас, он сошел с лошади и пал ниц, поклоняясь и благодаря великого и могучего Аллаха. В рукаве у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас. Он также повелел поставить для нас юрты, и мы поселились в них. Мы прибыли к нему в воскресенье по прошествии двенадцати ночей месяца мухаррама триста девятого года (12 мая 922 г.). И за это время мы от Джурджании (Хорезма) до его страны преодолели расстояние в семьдесят дней пути.

В воскресенье, понедельник, вторник и среду мы оставались в разбитых для нас юртах, пока собирались князья его земли, предводители и жители его страны, чтобы слушать всенародно чтение письма халифа.

Торжественное оглашение письма халифа состоялось в четверг, когда собрались все приглашенные. Мы развернули два знамени, которые были с нами, оседлали присланную в подарок лошадь седлом, элтабара одели в савад — черную одежду высших сановников повелителя правоверных, также надели на него тюрбан.

Проделав все это, я достал письмо халифа и сказал элтабару:

— Не подобает сидеть при чтении письма халифа.

И он встал на ноги, так же поступили и присутствовавшие именитые лица его государства. Элтабар же человек толстый и пузатый. Я прочитал начало письма, и когда дошел до слов: «Мир тебе, и воистину я прославляю, обращаясь к тебе, Аллаха единого и могучего», — я сказал ему: «В ответ пожелай мира повелителю правоверных».

И он пожелал, за ним повторили все остальные.

Переводчик не переставая переводил письмо буква в букву. Когда мы закончили чтение, они дружно воскликнули: «Велик Аллах!» таким криком, от которого задрожала земля. Потом я прочитал элтабару письмо везира Хамида ибн-аль-Аббаса. После этого я попросил его сесть и чтение письма Назира аль-Харамии он слушал сидя.

Когда же я закончил чтение, окружающие его люди

рассыпали на него многочисленные дирхемы. Потом я достал подарки — благовония, одежды, жемчуга — и стал представлять ему и его жене одну вещь за другой, пока не покончил с этим делом. После этого я подошел к сидящей рядом с элтабаром царице и в присутствии людей накинул на нее почетный халат. Сидеть рядом с мужем — таков их обычай. Когда же я накинул ей почетный халат, женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились.

Через час-другой царь болгар прислал за нами людей и мы вошли к нему в палатку. Князя его народа сидели от него с правой стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним. А он сам сидел на троне, покрытом византийской парчой.

Он велел принести стол с яствами, и стол был подан ему. На столе было одно только жареное мясо. Вот он, взяв нож, отрезал кусочек мяса и съел его. Потом таким же способом съел второй и третий. После этого он отрезал кусок и дал его Сусану ар-Расси, послу халифа. Тут же принесли маленький столик и поставили перед ним. Таков у них порядок: никто не протягивает руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И когда он его получит, тут же приносят ему столик.

Потом он отдал мясо мне, и принесли мне столик. После этого он, отрезав кусок, вручил его князю, который был справа от него. Ему тоже принесли столик, затем вручил второму князю, и ему принесли столик... потом вручил четвертому князю, своим сыновьям и каждому приносили столик. Это продолжалось до тех пор, пока каждому присутствовавшему при этом не был принесен отдельный столик. И каждый из нас ел со своего стола, ибо общего стола не было. Кроме того, со стола царя никто ничего не брал.

Когда же царь закончил с едой, каждый из нас оставшееся на своем столе уносил с собой. После еды царь велел принести напиток из меда, называемый у них суджув. Он оказался очень свежим, так как был изготовлен только вчера.

Вот царь осушил кубок. Потом он встал и произнес: — Это веселье в честь моего господина, повелителя правоверных, да продлит Аллах его пребывание в этом мире.

При этих словах четыре князя, его сыновья и мы встали, так царь трижды осушил кубок. После этого мы удалились.

На минбаре его мечети еще до нашего прибытия уже провозглашали проповедь-хутбу: «О Аллах! Сохрани в благополучии элтабара — царя болгар!»

Я же сказал ему:

— Воистину, единственный великий царь — это Аллах, и на минбаре этим титулом никто, кроме него, великого и могучего, не упоминается. Вот господин твой, повелитель правоверных, для собственной особы довольствуется тем, что на его минбарах на востоке и на западе провозглашают: «О Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего и наместника твоего Джафара, имама аль-Муктадира-би-ллаха, повелителя правоверных!» И так же поступали его бывшие предки-халифы. Ведь сказал Пророк, да благословит его Аллах и да спасет: «Не восхваляйте меня без меры, как восхваляли христиане Иисуса, сына Марии. Ведь, право же, я всего лишь раб Аллаха и посланник его».

Царь же меня спросил:

— Что нужно сделать, чтобы хутбу провозглашали от моего имени?

Я ответил:

— Для этого нужно упоминать твое имя и имя твоего отца.

Он сказал:

— Но ведь мой отец был неверным, поэтому я не хочу упоминать его имя на минбаре. И я тоже был неверным, по той же причине не хочу упоминать и свое имя. Но ты мне скажи: каково имя моего господина, повелителя правоверных?

Я ответил:

— Джафар.

Он спросил:

— Можно ли мне назваться его именем?

— Да, — сказал я.

На что он ответил:

— Раз так, я буду зваться Джафар, а имя моему отцу дадим — Абдаллах, так что дай насчет этого распоряжение хатибу.

Я выполнил его просьбу, и хатиб стал провозглашать от его имени хутбу: «О Аллах! Сохрани в благополучии раба твоего Джафара ибн-Абдаллаха, повелителя болгар, клиента повелителя правоверных».

На третий день после прочтения письма и вручения подарков, царь прислал за мной. До него дошло дело о

четыре тысяч динарах и он узнал обстоятельства их задержки управляющим именьями Ибн-аль-Фурата — Фадлом ибн-Муса Христианином. Об этом было написано в письме. Итак, когда я вошел, царь пригласил меня сесть, а потом он бросил мне письмо повелителя правоверных и сказал:

— Кто привез это письмо?

— Я,— ответил я.

Потом он бросил мне письмо везира и сказал:

— А это тоже?

— Я,— пришлось ответить мне.

Он спросил:

— А где деньги, упомянутые в них обсах? Куда они делись?

Я сказал:

— Трудно было их собрать, ибо мы оказались в стесненных обстоятельствах. Мы боялись упустить возможности въезда на север. Мы оставили их, чтобы они догнали нас.

Тогда царь сказал:

— Верно, приехали вы все. И сумма, истраченная на вас моим господином, повелителем правоверных, он истратил для того, чтобы вы привезли мне денег для постройки на них крепости, которая защитила бы меня от иудеев-хазар¹, поработивших меня. Что же касается присланных подарков, то мой отрок — Абдаллах ибн-Еашту и сам мог бы прекрасно доставить их.

— Это совершенно верно,— ответил я.— Но мы приложили все старания.

Тогда он сказал через переводчика:

— Я не признаю этих людей. Но среди них я признаю тебя одного, потому что остальные — не арабы². Если бы знал халиф, да поможет ему Аллах, что они сообщат мне то же, что ты сообщил мне, он вряд ли послал бы тебя лишь для того, чтобы ты прочел мне его письмо и выслушал бы мой ответ. Поэтому я не потребую ни у кого из них, кроме тебя, ни одного дирхема. Так что отдавай деньги, и это будет самое лучшее для тебя.

Скажу, что ушел я от царя весь перепуганный и удрученный. Внушительный, даже величавый вид этого человека оказывал сильное впечатление, и был он очень круп-

¹ В Хазарии только правящая верхушка исповедовала иудаизм.

² Царь хочет сказать, что Ибн-Фадлан был единственный араб в посольстве, а остальные, дескать, иранцы. Но это вряд ли возможно.

ного телосложения и говорил как-будто со дна большого кувшина. Оказавшись в своей юрте, я собрал спутников и рассказал им, что произошло сейчас между нами. Я сказал им: «А ведь я предостерегал вас».

Его муэдзин, призывая к молитве, икаму, т. е. часть азана, произнес дважды. А это при дворе халифа не принято. Поэтому я сказал царю: «Известно ли тебе, что господин твой, повелитель правоверных, у себя провозглашает икаму всего один раз.

Тогда царь сказал муэдзину:

— Исполни так, как он говорит тебе, и не противоречь ему.

И муэдзин придерживался такого правила много дней, а царь все заводил разговоры насчет тех денег и спорил со мной. Я же ничем не мог его обнадежить и этим приводил его в отчаяние, и приходилось все время отправдываться. Когда же он окончательно потерял надежду в получении денег, то отдал распоряжение муэдзину, чтобы тот удваивал икаму¹. И тот сделал это. Царь же хотел использовать это как повод, чтобы возобновить спор и окончательно поссориться.

Услышав удвоенную икаму, я закричал на муэдзина и запретил ему делать это. Царь же, узнав об этом, меня и моих спутников пригласил к себе. Когда мы собрались, через переводчика он меня спросил:

— Что ты скажешь о двух муэдзинах, из которых один икаму произнес один раз, а другой дважды. А потом каждый из них вместе с народом сотворил молитву. Разрешается ли такая молитва или же нет?

— Молитва разрешается,— сказал я.

Тогда он спросил:

— С разногласием ли муджтахидов² по данному вопросу или же с их общего согласия это разрешается?

Я ответил:

— С их общего согласия:

Он спросил:

— Что ты скажешь о человеке, который отдал деньги не тем, кому они предназначались. А те, кто ждал их, на-

¹ Удвоение икамы — вопрос политический, оно соответствовало учению ханифитов, принятому в Средней Азии. Это намекало на возможность иной ориентации царя болгар.

² *Муджтахид* — ученый-богослов, имеющий право выносить самостоятельное решение по разным вопросам фикха — мусульманского права.

ходились в осаде и порабощении и обманулись в своих ожиданиях?

Я ответил:

— Это недопустимо и те люди были скверными.

Он спросил:

— Так утверждаешь с разногласия или с общего согласия?

Я ответил:

— С общего согласия.

Тогда он передал через переводчика:

— Скажи-ка мне, если бы халиф, да продлит Аллах его пребывание в этом мире, послал ко мне войска, то одолел бы меня?

Я ответил:

— Нет.

Царь спросил:

— А эмир Хорасана?

— Нет,— сказал я.

Он спросил:

— Может, это из-за отдаленности наших стран и многочисленности между нами племен неверных?

— Да,— ответил я.

После этого царь болгар сказал:

— Я клянусь Аллахом и скажу тебе, что, находясь в своей собственной стране, я боюсь одного, а именно — боюсь своего господина, повелителя правоверных. И боюсь я больше всего того, что до него дойдет что-либо такое, что вызовет его отвращение ко мне и он проклянет меня, и я погибну в своей собственной стране в то время, как он будет оставаться в своем государстве. И между мною и им будут простираться обширные расстояния. А вы, которые едите его хлеб, носите его одежду, во всякое время можете видеть его — вы обманули его в отношении той помощи, с которой он отправил вас ко мне — людям нуждающимся. Более того, вы обманули мусульман, и я не признаю вас истинными руководителями в деле своей веры, пока не придет ко мне такой человек, который будет искренен в своих словах. И если же придет ко мне такой человек — я признаю его в качестве руководителя в деле своей веры.

Так он закрыл нам рот, и мы не могли ничем ему возразить и удалились в тягостном молчании.

После этого разговора случилось нечто странное: он стал оказывать мне особое уважение и стал приближать

к себе. А спутников моих к себе не допускал и стал называть меня Абу-Бекр Правдивый¹.

А теперь перехожу к рассказу о его стране. Я видел там столько удивительных вещей, что их невозможно пересказать. Например, в первую же ночь, которую мы там переночевали, перед закатом, в обычный час вечерней молитвы, я видел, как сильно покраснел горизонт. И я услышал высоко на небе сильный шум и громкие звуки. Тогда я поднял голову и заметил неподалеку одно облако, красное, как огонь, и догадался, что шум и звуки доносятся оттуда. Я увидел там на небе нечто похожее на людей и лошадей, и в руках находящихся там фигур, похожих на людей, были луки, стрелы, копья и обнаженные мечи. И они показывались то совершенно ясно, то исчезали.

Потом рядом с ними показался какой-то черный отряд, состоящий из вооруженных людей и лошадей. И начали они нападать на такой же отряд, как это делает эскадрон на эскадрон. Мы же от всего этого сильно испугались, а болгары стали над нами смеяться, потому что это показалось им забавным.

Таким образом, мы довольно долго наблюдали бой двух отрядов. Вот они в боевом азарте совсем смешались, потом оба разделились и это явление можно было наблюдать еще некоторое время. Потом оно исчезло.

Мы, озадаченные, спросили об этом царя, и он сказал, что еще предки его объясняли этих небесных всадников, как верных и неверных джиннов. Оказывается, они так сражаются каждый вечер с тех самых пор, как они существуют на свете. И так продолжалось всегда.

— Мы это видим каждую ночь, — сказал нам царь.

Как-то пришел ко мне в юрту один случайно оказавшийся в этих краях портной из Багдада, чтобы поговорить. За разговором мы просидели столько, сколько необходимо для прочтения чуть меньше половины седьмой части Корана. При этом, прислушиваясь, ожидали ичного азана. Но вот звуки азана.

Мы вышли из юрты, а заря уже занималась. Тогда я спросил муэдзина:

— Какой азан ты провозгласил?

— Предрассветный азан, — ответил он.

¹ Имеется в виду халиф Абу-Бекр (632—634), носивший прозвище Правдивый.

Я же спросил:

— А ночной, последний?

Он сказал:

— Мы читаем его молитву вместе с азаном при заходе солнца.

— А ночью? — спросил я.

— Видишь ли! — ответил он. — Она была еще короче, чем эта, но теперь она стала прибавляться.

Далее он сообщил, что уже месяц, как не спит ночами, боясь упустить утреннюю молитву. И это происходит потому, что если человек ставит котелок на огонь, и примется за утреннюю молитву, то вода в нем за это время не успеет закипеть.

Дни в этой стране очень длинные, вернее сказать, часть года бывает с длинными днями и короткими ночами, потом ночи длинные, а дни короткие. Когда наступила вторая ночь, я вышел наружу и стал наблюдать небо. Оно не было слишком уж звездным, думается, звезд там светило не более пятнадцати. А потом край неба окрасила красная заря, которая обычно бывает перед ночной молитвой. Она никогда не исчезает окончательно и ночь там настолько светла, что в ней человека можно видеть на расстоянии больше одного выстрела из лука.

Я заметил также, что там луна не доходит до середины неба, но появляется лишь на его краях на какой-нибудь час, а потом занимается заря и луна исчезает.

Царь болгар рассказывал, что за его страной, на расстоянии трех месяцев пути, живет народ по имени Вису¹. Оказывается, ночь у них еще короче, менее часа.

Я наблюдал, что в этой стране при восходе солнца все окружающее приобретает красный оттенок: сама земля, горы и все, что видит человек. И солнце при восходе кажется огромным, как облако, и краснота остается до тех пор, пока солнце не достигнет вершины неба.

Жители страны — болгары мне рассказывали, что, когда наступает зима, то ночь у них становится длинной, как летний день. Если же кто-либо из нас отправляется отсюда к реке Итиль на утренней заре (между нами и рекой расстояние пути менее фарсаха), то он добирается туда к наступлению ночи, когда небо бывает полным-полно звезд.

¹ Вису — летописная «весь», живущий на севере около Белоозера.

И наше посольство находилось в стране болгар до тех пор, пока ночи не стали длиннее, а дни короче¹.

Там я узнал, что болгары считают очень хорошим предзнаменованием завывание собак, радуются этому и толкуют его как знак наступления года изобилия и благополучия.

Среди множества диковинок, которые я видел на этой земле, были и змеи. Их там такое множество, что на ветках одного дерева их можно увидеть с десятков. Жители их совсем не трогают, и змеи им не вредят. Как-то в одном месте я видел толстое упавшее дерево, длина которого была более ста локтей. И ствол его был огромный. Я остановился, глядя на него. И, о ужас... оно вдруг задвигалось. Я посмотрел внимательно и увидел на нем змею, такую же толстую и длинную, как сам ствол. Когда змея меня увидела, она сползла с него и скрылась среди деревьев. Я же пришел очень испуганный и рассказал об этом царю и его свите. Он же, к моему удивлению, не придал этому никакого внимания, лишь сказал: «Не бойся, она вреда тебе не причинит».

Однажды в пути царь со своей свитой остановился на отдых. Улучив удобный момент, я и мои спутники — Тегин, Сусан и Барс — да еще один человек из его свиты вошли в тень леса. И тогда человек из свиты показал нам маленький зелененький и длинный стебелек какого-то растения, похожего на веретено. И на нем были какие-то зеленые отростки. Причем конец каждого такого отростка оканчивался широким листом, распростертым на земле. И там еще находилось нечто подобное яголке. Да, среди листьев были видны ягоды. Кто их попробует, тот сразу же почувствует вкус граната имлиси. И мы попробовали их и убедились, что они действительно очень вкусны. Потом с удовольствием стали собирать и есть.

У них еще много зеленых и кислых яблок, напоминающих во вкусу винный уксус, которые называются девичьими яблоками.

Но самое удивительное в их стране — это обилие ореховых лесов. Право же, некоторые из таких лесов имеют длину около сорока фарсахов и в ширину они не меньше.

Я видел еще у них деревья чрезвычайной длины, ствол

¹ Все же послы из Багдада не жили на севере до самых длинных ночей.

их без листьев, макушки же подобны вершинам пальм, имеющих тонкие листья. Но только эти листья сходящиеся. Они пробуравливают известное место на их стволе и подставляют под это отверстие сосуд, в который течет жидкость даже более приятная, чем мед. Если же человек много выпьет такой жидкости, он становится пьяным как от вина.

Едят они в основном просо с кониной, но у них много и пшеницы и ячменя. И каждый сеет там для себя и пользуется своим урожаем сам. У царя отбирать урожай нет никакого права. Царю они платят каждый год по одной собольей шкуре от дома. Если же царь совершит с отрядом набег на соседей, то ему выделяется его доля. Каждый, кто устраивает у себя свадьбу или созывает пир, в зависимости от размеров пиршества должен выделить часть царю. Обычно выделяют ему ковш медового набиза и некоторое количество скверной пшеницы. Так как земля у них черная и сырая, у них нет подходящих помещений для хранения зерна и другой пищи. Так что зерно они хранят в ямах и оно у них там быстро портится и начинает вонять. И им нельзя пользоваться.

У них совершенно нет ни оливкового масла, ни масла сезама, ни животного жира. Вместо этих жиров они употребляют рыбий жир, и все, что с ним они употребляют, пахнет жиром, и они сами из-за этого пахнут им.

Еще они варят из ячменя похлебку, которую едят девушки и парни. А иногда варят ячмень с мясом, причем господу едят мясо, а девушкам-рабыням остается лишь ячмень. Если же сварена голова козла, то мясо достается и девушкам-рабыням.

Все они на голове носят шапки. Царь их едет верхом без сопровождения, совершенно один. Когда он едет по базару, все встают, снимают шапку и кладут ее себе подмышку. Когда же он проедет мимо, они опять надевают шапки. Точно так же происходит и на приеме у царя — мал и велик, включая его сыновей и братьев, как только взглянет на него царь, тут же снимают шапки и кладут их себе подмышку. Потом они, кивнув головой царю, приседают и опять встают, и ждут до тех пор, пока он не пригласит их сесть. Обычно сидят они на пятках, держа шапку подмышкой, и надевают ее только выйдя из царской юрты.

Будгары все живут в юртах. Юрта же царя очень большая, вмещает более тысячи человек и устлана армян-

скими коврами. В середине ее стоит трон, покрытый византийской парчой.

У болгар существует обычай, по которому родившегося мальчика забирает себе дед на том основании, что он, больше, чем его отец имеет право на его воспитание, пока мальчик не станет взрослым мужчиной.

Если у них умирает кто-нибудь, то наследником становится не сын, а брат умершего. Я сказал царю, что это недозволительно, и рассказал ему, каковы должны быть истинные законы. И он согласился со мной.

В этой стране, как нигде в мире, много молний. Если молния ударит в юрту, они больше не приближаются к ней и оставляют нетронутой со всем ее содержимым до тех пор, пока само время не уничтожит все это. При этом они говорят: «На этом жилище лежит гнев божий».

Если же один болгарин убьет другого преднамеренно, в возмездие они казнят убийцу. Если же он убьет его нечаянно, то сооружают для умершего ящик из дерева халадж, кладут его внутрь, рядом положат три лепешки и горшок с водой. Потом они подвешивают этот ящик на столбах и говорят: «Мы помещаем его между небом и землей, и предоставляем воле дождя и солнца. Да постигнет его милость аллаха!» Таким образом, усопший остается подвешенным, пока окончательно не исчезнет от времени и ветров.

Если же болгары встретят человека, одаренного ученостью, то говорят: «Этот более других достоин служить богу». После этого они накидывают ему на шею веревку и вешают на дереве. Как-то переводчик царя рассказал мне, что однажды в их страну попал какой-то человек из Индии и некоторое время оставался у царя на службе. И был он очень ловок и понятлив. Однажды группа болгарских купцов решила отправиться по своим торговым делам, и этот индеец попросил царя разрешения ему ехать вместе с ними. Царь же запретил ему это. А индеец все настаивая на своем и, наконец, добился своего. Итак, он отправился вместе с ними по воде. В пути болгары убедились, что он подвижен, сметлив и, сговорившись между собой, сказали: «Этот человек подходит для служения нашему богу, так отправим же его к нему».

В это время как раз они плыли мимо леса. Вывели индийца на берег, накинули на шею веревку и подвесили на вершине высокого дерева. Потом отправились дальше.

Еще у них существует правило: если кто-то в пути

вдруг захочет помочиться и сделает это при оружии, то его они ограбят — отберут оружие, снимут одежду и возьмут все, что у него имеется. А кто помочится, сложив в сторонке оружие — того не трогают.

Мужчины и женщины у них спускаются к реке и моются вместе совершенно голые, при этом совершенно не закрываются друг от друга и не совершают никакого прелюбодеяния. А кто сделает это — понесет наказание, кем бы он ни был: для этого они заколютят в землю четыре сошника, привяжут к ним обе руки и обе ноги — потом рассекут его топором от затылка до бедер. Таким же образом они поступают и с женщиной. Потом каждый кусок мужчины и женщины вешают на дерево. Я все время призывал их закрываться друг от друга при купании, но ничего не добился.

Воров они наказывают так же, как и прелюбодеев.

В их лесах очень много пчел, живущих в дуплах деревьев, и они хорошо разбираются в этом и собирают много меда. Время от времени на болгар нападают враги и убивают их.

У болгар много купцов, которые ездят в землю тюрок и привозят оттуда овец. Также они ездят в страну Вису и привозят оттуда много соболей и черных лисиц.

Мы видели у них племя около пяти тысяч душ женщин и мужчин, все до единого принявших ислам. Это племя называется Баранджар. Для них мы построили деревянную мечеть, где они молятся. Они молитв произносить не умеют, я же научил там одну группу людей чтение молитв.

Однажды под моим руководством человек по имени Талут принял ислам, и я назвал его Абдаллахом. В ответ он сказал:

— Я хочу, чтобы ты назвал меня твоим собственным именем Мухаммед.

Я сделал это. Потом приняли ислам его жена, мать и дети, и всех их стали называть семейством Мухаммеда. Я научил отца семейства сурам из Корана: «Хвала Аллаху» и «Аллах един». И радость его от этого была огромной, она не стала бы сильнее, если бы он даже стал царем болгар.

Через некоторое время мы прибыли к царю, который остановился у воды, называемой Хеллече. Там находятся три озера, из которых два больших, одно поменьше. Говорят, они так глубоки, что никто еще не доставал их

дна. Между этим местом и большой рекой Итиль расстояние около одного фарсаха. На реке находится огромный и шумный базар¹, куда стекается много народа и продается много ценных вещей.

Как-то Тегин рассказывал мне, что в стране болгар есть человек-великан. Когда я прибыл сюда, я вспомнил об этом и поинтересовался у царя.

— Да, он раньше жил у нас, а теперь умер,— ответил мне царь.— Он был чужеземец, и вообще он был необыкновенным человеком. А история появления его такова: однажды наши купцы плыли по Итилю, и вода на реке сильно поднялась. И вот купцы, вернувшись обратно, явились ко мне и сказали: «О царь! По воде приплыл какой-то великан. Если он из соседнего к нам народа, то не останется нам возможности жить в этой стране, нужно будет переселиться в другие места. Выслушав их, я вместе с ними верхом поехал к реке. Действительно, там передо мной предстал человек огромного роста и могучего телосложения. Росту в нем было двенадцать локтей, голова же с огромный котел, нос более четверти, огромные глаза, а пальцы тоже более четверти. Увидев все это, я ужаснулся. Однако, пересилив страх, мы начали говорить с ним, а он только смотрел и слушал. Потом я пригласил его к себе и написал жителям страны Вису (они живут от нас на расстоянии трех месяцев пути) о том, не знают ли они такого великана.

Спустя некоторое время они написали мне, что этот человек из числа народов Гог и Магог². Они писали: «Они находятся от нас на расстоянии трех месяцев пути. Нас и их разделяет море, и живут они на том его берегу. Они подобны диким скотам, нагие, босые и совокупляются друг с другом, как скоты. Аллах могучий и великий каждый день выводит для них из моря одну большую рыбу, и каждый из них приходит туда с ножом и отрезает себе столько, сколько нужно для пропитания его семьи. Если же он возьмет больше необходимого, то у него и у членов его семьи заболят животы, а иногда и умирают. Когда они от рыбы отрежут сколько им нужно, она поворачивается и снова погружается в море. Так происходит изо дня в день. Этот народ живет между морем и горами. Пре-

¹ Видимо, здесь имеется в виду Ага-Базар в Булгаре.

² *Гог и Магог* — легендарные народы, запертые когда-то на севере будто бы стеной Александра Македонского.

града отделяет их от ворот (ущелье в горах?), через которые они раньше выходили. Когда же Аллах могучий и великий захочет вывести их в обитаемые земли, он снимает всякие преграды, море уходит в землю и остаются они без рыб».

К рассказу о великане царь еще добавил:

— Он оставался у меня еще некоторое время. И бывало, как взглянет на него какой-нибудь мальчик, так и испустит дух. Увидит его беременная женщина, и выбросит свой плод. Бывало так, что он поймает человека и сжимает его обеими руками, пока того не раздавит. Посмотрев на все это, я велел заковать его цепями на толстом дереве, где он и умер. Если ты хочешь взглянуть на его кости и голову, могу поехать с тобой и показать.

Я же сказал:

— Клянусь Аллахом, я очень хочу этого.

Итак, мы отправились верхом в большой лес, где росли огромные деревья. И вот царь привел меня к толстому дереву, под которым лежал огромный череп. И ребра его были подобны толстым сучьям. И в таком же роде лежали все остальные части тела. Я очень изумился и отправился обратно.

Потом царь болгар решил удалиться от местности с озерами, называемой Хеллече, и направился к реке Джавшыр (Черемшан?) и оставался там около двух месяцев. В это время он приказал произвести перекочевку племен, послал за народом суваз (сувар), чтобы те последовали за ним. Сувазы (сувары) же ему отказали. Племя разделилось на два. Одна часть, состоящая из разного отребья, объявила себя независимой и во главе у них стоял некий самозванец Вырыг. Царь же послал к ним человека и приказал: «Воистину, могучий и великий Аллах даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я, раб Аллаха, обязан исполнить возложенное на меня дело. И кто мне будет противиться в этом, того я поражу мечом».

Другая часть народа из кочевого племени эскел была на стороне царя. Оно не находилось у него в повиновении, хотя официально еще не приняло ислам. Когда же царь пригрозил сувазам (суварам) наказанием, то они испугались и все вместе двинулись к реке Джавшыр.

Река Джавшыр небольшая — ширина ее всего лишь пять локтей. Вода в ней доходит до пупа, а местами и до ключицы, а наибольшая ее глубина в рост человека. Во-

круг растет много деревьев, особенно много там деревьев хаданг и других. Неподалеку от реки находится обширная дикая местность, о которой рассказывают, будто в ней обитает некое животное меньше верблюда, но больше быка. Голова у него похожа на верблюжью, хвост же бычий, телом оно напоминает мула, копыта же подобны копытам быка. У него посреди головы (носа?) один толстый круглый рог, который заостряется к концу и подобен наконечнику копья. У некоторых рог по длине доходит от трех до пяти локтей. Животное это питается листьями деревьев халандж, имеющих превосходную зелень. Увидев всадника, животное, как правило, нападает на него, если же под ним рысак, то и рысак спасается от него с трудом, так как оно бежит очень быстро. Если же животное догонит всадника, то подбрасывает его вместе с лошадьёю в воздух и делает это до тех пор, пока не убьет. Булгары преследуют это животное в диких местах и убивают. А делают они это так: влезают на высокие деревья и ждут, пока животное не подойдет близко. Когда же оно оказывается под ними, стреляют по нему отравленными стрелами и убивают.

Однажды я видел у царя три больших сосуда-миски, похожих по материалу на йеменский оникс, о которых он сказал, что они сделаны из основания рога того животного. Некоторые из местных жителей говорят, что это животное и есть носорог.

Вот что еще меня удивило: я не видел среди них ни одного человека, который был бы румян лицом. Большинство из них больны. В этой стране они в основном умирают от колик в животе, колики бывают у них даже у грудных детей.

Случается, что у них умирает кто-либо из мусульман. Если же умирает женщина-хорезмийка, то ее обмывают по-мусульмански. Потом везут на повозке к кладбищу, а впереди повозки несут знамя. Когда тело с повозки кладут на землю, то очерчивают вокруг него линию. Отложив тело в сторону, внутри этой линии выкапывают могилу, делают боковое углубление и погребают.

А со своими мертвыми они поступают так: женщины у них не плачут над телом усопшего, наоборот, мертвого оплакивают мужчины. Они приходят к нему в день смерти, останавливаются у дверей его юрты и кричат душераздирающими голосами. Так поступают люди свободные. После такого оплакивания являются их рабы, держа в руке

сплетенные кожи (камчи) и, непрерывно плача, бьют себя до тех пор, пока у них на теле не выступят красные следы от ударов. Местные жители здесь ставят у дверей юрты умершего знамя-знак. Еще они приносят оружие умершего и кладут его вокруг его могилы и так траур продолжается в течение двух лет. По прошествии этого срока знамя-знак с юрты умершего снимают и берут (или отрывают) часть своих волос¹.

После этого его родственники созывают званый пир, означающий конец траура. Если у него была жена, она выходит замуж — это в том случае, если умерший был главой рода или каким-либо значительным лицом. Если же умерший был простым человеком, то совершается лишь часть того, что предполагается обрядом.

Царь болгар платит дань царю хазар: от каждого дома в его государстве — шкуру соболя. Если же к болгарам прибудет торговый корабль из страны хазар, то царь выедет верхом, пересчитает находящиеся на корабле товары и возьмет себе десятую часть. А если придут к ним русы или какие-нибудь люди из других племен с рабами, то царь выбирает для себя из каждого десятка одного человека.

Сын царя болгар находится заложником у царя хазар. Как-то до царя хазар дошла весть о непревзойденной красоте дочери царя болгар и он послал сватать ее. Царь болгар же отказал ему в этом. Тогда царь хазар послал к нему войско и взял ее силой, хотя тот является иудеем, а она мусульманкой. Вскоре она там умерла. Тогда царь хазар потребовал у царя болгар вторую дочь. Как только весть дошла до болгарского царя, он решил упредить это и выдал дочь за князя племени эскел, находящегося под его властью. Вот такие обстоятельства побудили царя болгар отправить халифу письмо, в котором он просил его построить крепость для защиты от его врагов, в том числе и от царя хазар.

Однажды я спросил царя:

— Государство твое обширно, денег много и доход твой большой, так почему же ты просил халифа, чтобы он построил крепости на доставленные от него деньги?

Он же ответил:

— Я полагаю, что Исламская держава приносит счастье, так как денежные средства этой державы накап-

¹ Темное место. Обряд этот не поддается расшифровке.

диваются из дозволенных религиозным законом источников. По этой причине я и обратился с просьбой. Право же, если бы я захотел построить крепость на свое серебро или золото, то для меня не было бы никакой трудности. Но мне важно было получить благословление при помощи денег повелителя правоверных и я просил его об этом.

Однажды я видел русов, прибывших по реке Итиль по своим торговым делам. Я не видел людей с более совершенными телами, чем у них. Они подобны пальмам, белокуры, румяны лицом и белы телом. Они не носят ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина носит кису (кусок материи), которой он охватывает один бок, причем одна рука выходит из нее наружу. При каждом из них имеется топор, меч, нож, причем со всем этим он никогда не расстаётся. Мечи их плоские, с бороздами, франкского образца. Иной из русов от края ногтей до самой шеи разрисован всякими изображениями, картинками и тому подобным.

А что касается их женщин, то на груди каждой из них висит особая коробочка из железа, серебра, меди, золота или дерева в соответствии с богатством их мужей. И у каждой коробочки — обруч и нож, также прикрепленные на груди. На шеях у них ожерелья из золота и серебра. Если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то его жена носит ожерелье в один ряд, если же муж имеет двадцать тысяч дирхемов, то жена уже носит ожерелье в два ряда. Таким образом, каждые десять тысяч прибавляют один ряд к ожерелью его жены, так что у некоторых женщин на шее бывает много рядов ожерелий.

Самым лучшим украшением считаются у русов зеленые бусы из керамики, которые бывают у них на кораблях. Они очень дорожат этим и не жалеют сил, чтобы приобрести их, покупают одну такую бусину за дирхем и нанизывают их в ожерелья своих жен.

Дирхемами (деньгами) у русов служат серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лапок и головы, а также соболи. Если чего-либо в ней не хватает, то шкурка становится бракованной монетой. С их помощью они совершают разные меновые сделки, и эти шкуры нельзя вывезти, так как их отдают за товар. Весов они не имеют, существуют лишь стандартные бруски металла. Куплю-продажу они совершают с помощью мерной чашки.

Русы — грязнейшие из творений Аллаха. Они не очищаются ни от кала, ни от урины, не омываются от поло-

вой нечистоты и не моют своих рук после еды. Они — как блуждающие ослы. Они приплывают из своей страны и причаливают свои корабли на реке Итиль. Итиль же большая река, и русы строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается их в одном таком доме десять или двадцать, когда больше, когда меньше. Там у каждого из них длинная скамья, на которой располагается он сам с девушками-красавицами для продажи. Бывает так, что кто-либо из русов пожелает сочетаться со своей девушкой, а товарищ его стоит и смотрит. А иногда это наблюдает целая группа зрителей. В это время входит заезжий купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку и наталкивается на руса, занимающегося этим делом. Рус же не оставляет ее, пока не удовлетворит своей потребности.

Они каждый день непременно моют свои лица и головы самой грязной водой, какая только существует на свете, т. е. самой нечистой. А это происходит следующим образом: утром одна из девушек приносит большую лохань с водой своему господину. Он же моет в ней свои руки, лицо и все свои волосы. Он моет их и вычесывает гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее, иными словами, делает все для того, чтобы она стала грязной. Когда же господин заканчивает мыться, девушка-прислужница несет лохань к сидящему рядом, и этот совершает то же, что делал его товарищ. И она не перестает подносить грязную воду от одного к другому, пока не обнесет ею всех, кто заходит в этом доме. И каждый из них сморкается, плюет и моет свое лицо и волосы в ней.

Когда их корабли причаливают к пристани на реке Итиль, каждый из них выходит на берег, держа в руке хлеб, мясо, лук, молоко и набиз (хмельной напиток), и подходит к воткнутому в землю бревну с вырезанным на нем человеческим лицом. Вокруг этого бревна выстроились маленькие изображения (идолы?), а позади них тоже стоят длинные, воткнутые в землю бревна. Итак, рус подходит к большому изображению, поклоняется и говорит ему: «О мой господы! Я прибыл из далекой земли, и со мной прибыли столько-то девушек, столько-то и столько-то собольих шкур, — так он перечисляет все то, что привез для продажи. И сказав: «И я пришел к тебе с этим даром», — ставит принесенное с собой перед этим бревном с личиной и заканчивает молитву такими словами: «Я хочу, чтобы ты пожаловал бы мне купца, у которого много динаров и дирхемов, чтобы он покупал у меня товары в

соответствии с моими желаниями и не перечил бы мне при сделке». После этого он уходит.

Если торги для него будут трудными и неудачными, и пребывание его здесь затянется, он снова придет к бревну со вторым и третьим подарком. Если и на этот раз не улыбнется ему счастье, он поднесет к каждому из маленьких изображений подарок, попросит их помочь в деле и скажет: «Эти — жены нашего господа, дочери и сыновья его». И так, он будет обращаться то к одному, то к другому изображению, будет просить их, искать у них заступничества и униженно кланяться перед ними. Если же торги пойдут удачно и он продаст, что привез, он скажет: «Господь мой внял моей просьбе и следует мне вознаграждать его». И вот тогда он купит несколько овец или рогатого скота, убьет их и раздаст часть мяса, оставшуюся же часть принесет к тому месту между большим бревном и стоящими вокруг него маленькими изображениями и оставит их там. А головы рогатого скота или овец повесит на воткнутое в землю дерево. С наступлением ночи все это съедят собаки. А рус скажет удовлетворенно: «Господь мой остался мной доволен и съел мой дар».

Если кто-либо из них вдруг заболит, они разобьют для него палатку в сторонке, оставят его там одного, положат рядом некоторое количество хлеба и воды, и не приблизятся к нему и не заговорят с ним, особенно если он бедняк или невольник. Но если это человек значительный, у которого много родственников и слуг, то люди будут посещать его все эти дни и справляться о его здоровье.

Если он после этого выздоровеет, то возвратится обратно к ним. Если же он умрет, то они его сожгут. А если он был невольник, люди оставят его так, как он лежал и собаки с хищными птицами съедят его тело.

Если они поймают вора или грабителя, то поведут его к высокому и толстому дереву, привяжут на шею веревку и подвешат там навсегда. И он будет висеть, пока не распадется на куски от ветра и дождей.

Мне часто рассказывали, что они делают со своими предводителями, когда кто-либо из них умирает. Говорили, что самое простое в этом случае — это сожжение. Так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим ритуалом и понаблюдать. И вот однажды я слышал, что умер один выдающийся муж из их числа.

После смерти сначала они положили его в могилу и покрыли настиллом на десять дней, пока не завершили кройки его одежд и их шитья.

Если умирает бедный человек, они сооружают маленький корабль, кладут его туда и сжигают вместе с кораблем. Когда же умирает богач, то собирают все его богатство и делят на три трети; одну треть оставляют для его семьи, одну треть тратят на шитье одежды, и одна треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют до того дня, когда его девушка убьет саму себя и будет сожжена вместе с господином. Они сильно злоупотребляют набизом, пьют его днем и ночью, так что иной из них даже умирает с кубком в руке.

В те десять дней, пока идут приготовления к похоронам, они сочетаются с женщинами и играют на сазе (музыкальный инструмент). А та девушка, которая должна будет сжечь сама себя, в эти десять дней пьет и веселится, украшает свою голову и тело разного рода украшениями, носит красивые платья и, нарядившись так, отдается людям.

Если умрет предводитель, его семья спросит принадлежащих ему девушек и отроков: «Кто из вас умрет вместе с ним?» И кто-нибудь из них говорит: «Я». Раз он сказал это — то уже окончательно и ему нельзя взять свое слово обратно. Если даже он захочет этого, ему бы все равно не разрешили. На это идут в основном девушки.

И вот когда умер муж, о котором я упомянул раньше, то спросили его девушек: «Кто умрет вместе с ним?» И одна из них сказала «я». После произнесенного слова ее поручили двум девушкам, чтобы они охраняли ее и были бы с нею, куда бы она ни пошла. Дело доходило до того, что они иногда даже мыли ей ноги.

Родственники же умершего принялись за дело — кройку для него одежд и устройства всего того, что необходимо. А девушка каждый день пила и пела, веселилась и радовалась своему будущему.

И вот настал день, когда должны были сжечь его и с ним ту девушку. В этот день я прибыл к реке, на которой находился его корабль. И вот он уже вытасчен на берег и для него поставлены четыре деревянных устоя. Вокруг них сооружены что-то вроде больших помостов. Потом корабль протаскали и поместили его на это деревянное сооружение. И они стали его охранять, ходить взад и вперед и говорить непонятные для меня речи. А умерший

в это время находился в могиле, так как его еще оттуда не вынимали.

В середине корабля они соорудили шалаш из дерева и покрыли его разного рода кумачами. Потом они принесли скамью и поместили ее на корабле. Пришла старуха, которую называют здесь ангелом смерти. Под ее руководством скамью разостлали стегаными матрацами и византийской парчой, положили туда несколько подушек из той же парчи. Эта же старуха руководит тут обшиванием и устройством усопшего, она же убивает предназначенных для похоронного обряда девушек. Я заметил, что старуха эта богатырского телосложения и мрачная.

Когда люди прибыли к могиле, в которую временно было помещено тело усопшего, они сначала сняли слой земли из настила, потом убрали сам настил и извлекли тело в покрывале, в котором он умер. И тут я заметил, что он совсем почернел от здешнего холода. Еще раньше они поместили в его могилу набиз, какой-то плод и что-то вроде лютни. И вот теперь они вынули все это. Однако труп не завонял, в нем ничего не изменилось, кроме цвета лица.

И вот они надели на мертвого шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый кафтан с золотыми пуговицами, на голову надели парчовую шапку, отделанную собольим мехом. Приодев таким образом, они понесли его к кораблю, а потом внесли в шалаш, находящийся на корабле, посадили на стеганный матрац, подперли с боков подушками. Потом принесли набиз, плод, разного рода цветы и ароматические растения, и положили все это рядом с ним. Принесли еще хлеба, мяса, лука и поставили их перед ним. Потом приволокли собаку, рассекли ее пополам и бросили в корабль. После этого принесли все его вооружение и положили рядом. А потом стали гонять двух лошадей и гоняли до тех пор, пока они не вспотели. После рассекли их мечами и бросили в корабль. Потом привели двух коров, тоже рассекли их и бросили так же. Потом доставили петуха с курицей, убили и оставили при мертвом.

Следует сказать, что этот обряд совершается при большом стечении народа. Собралось много мужчин и женщин, играли на сазах, и каждый из родственников умершего ставил шалаш неподалеку от шалаша умершего. А девушка, которая захотела быть убитой, разукрасившись, отправилась к шалашам родственников умершего,

входила в каждый из шалашей и там хозяин шалаша сочелся с ней и говорил ей громким голосом:

— Скажи своему господину: «Право же, я совершил это из любви и дружбы к тебе».

И по мере того, как она обходила все шалаша, все по очереди сочетались с ней.

Покончив с этим делом, они разделили собаку пополам, бросили ее внутрь корабля, потом, отрезав голову петуху, бросили голову и тело справа и слева от корабля.

А на закате солнца, это была пятница, девушку привели к воротам, сооруженным из больших камней. Там она встала на ладони мужчин, поднялась на ворота, смотря при этом вниз, и произнесла какие-то слова на своем языке. После этого ее спустили вниз. Потом ее подняли во второй раз, причем она повторила те же слова, как и в первый раз. Потом ее опустили и подняли в третий раз. Повторилось то же самое. После этого ей подали курицу — она отрезала ей голову и швырнула в сторону. Мужчины взяли курицу и бросили ее в корабль.

Заинтересовавшись ее действиями, я спросил у переводчика о смысле ее слов. Он ответил:

— Когда ее подняли в первый раз, она ответила: «Вот я вижу своего отца и свою мать». Во второй раз сказала: «Вот сидят все мои умершие родственники». В третий раз: «Вот я вижу своего господина, сидящим в саду, а сад красив, весь в зелени, и с ним там мужи и отроки. И вот он зовет меня к себе. Так ведите же меня к нему».

Итак, они пошли с ней в сторону корабля. Вот она сняла с себя два браслета и отдала их той самой старухе, называемой ангелом смерти. Она должна будет ее убить. Потом она сняла с себя два ножных кольца и отдала их тем девушкам, которые эти дни служили ей. Эти девушки — дочери старухи, называемой ангелом смерти.

После этого мужчины, которые недавно сочетались с девушкой, положили руки на землю ладонями вверх и она, ступая по ним, прошла на корабль. Но пока она оставалась снаружи шалаша. Потом пришли мужи с щитами и палками, и подали ей кубок с набизом. Девушка запела и выпила из кубка. Переводчик мне объяснил, что она таким образом прощается с подругами. Потом ей подали второй кубок, она же взяла его и долго тянула песню. А старуха торопила ее выпить из кубка и просила войти в шалаш, в котором находился ее господин.

Тут я заметил, что она растерялась, захотела войти в

шалаш, но в последний момент спрятала голову в пространстве между шалашом и бортом корабля. Тогда старуха схватила ее за голову и толкнула в шалаш, и вошла вслед за ней. А мужи начали бить палками по щитам, чтобы не был слышен ее предсмертный крик, так как это испугало бы других девушек и они перестали бы стремиться к смерти вместе со своими господами.

Затем в шалаш вошли шестеро мужей из числа родственников умершего и все до одного сочтались с девушкой в присутствии трупа. Затем, как только они покончили с осуществлением своих прав любви, уложили девушку рядом с ее господином. Двое схватили ее за ноги, двое за руки, пришла старуха, называемая ангелом смерти, и наложила ей на шею веревку с расходящимися концами. Отдав концы веревок двум мужчинам, чтобы они ее тянули, приступила к делу. У нее в руке был огромный кинжал с широким лезвием. И вдруг она начала втыкать его между ее ребрами в то время как оба мужа душили ее веревкой, пока она не умерла.

После этого подошел ближайший родственник умершего, взял палку и зажег ее от костра. Потом он пошел, пятясь задом — затылком к кораблю и лицом к людям — держа в одной руке зажженную палку, а другую свою руку держа на заднем проходе, так как был голым. Он шел зажечь дрова, сложенные под кораблем. Потом подошли люди с дровами для растопки. У каждого из них в руке была зажженная палка. Затем они бросили горящие палки на сложенные под кораблем дрова. И загорелись они, перебрасываясь с дров на корабль, потом на шалаш, и охватили мужа с девушкой, и все, что находилось в нем.

Вдруг подул сильный, ужасающий ветер, пламя усилилось и разгорелось вовсю. В это время рядом со мной стоял некий муж из русов. Вот он начал разговаривать с моим переводчиком. Я спросил его о содержании беседы. Он сказал: «Право же, говорит он, эти арабы глупы».

Я спросил: «Почему он так считает?»

Он ответил: «Посудите сами, вы берете самого любимого и самого уважаемого вами человека и хороните его в землю, и едят его насекомые и черви. А мы сжигаем его в мгновение ока, так что он немедленно и тотчас отправляется в рай».

Потом он сильно засмеялся. Я же спросил его о причине смеха и он ответил: «По любви господа к нему вот

он послал ветер, так что в течение часа с ним будет покончено».

И в самом деле, не прошло и часа, как корабль и дрова, и девушка, и ее господин превратились в золу и пепел.

Потом они на месте сожженного корабля соорудили нечто вроде круглого холма и посадили в середине его высокое бревно из хаданга, написали на нем имя усопшего, имя царя русов и удалились.

Один из обычаев царя русов состоит в том, что вместе с ним в его очень высоком замке (крепости?) постоянно находятся четыреста мужей из числа его богатырей, его сподвижников. Причем самые надежные из них умирают вместе с ним, т. е. бывают убиты и похоронены вместе с царем. При каждом из них находится девушка-служанка, которая моет ему голову, приготовляет еду, питье, а другая девушка является его наложницей, и пользуется он ею в присутствии царя. Эти четыреста мужей (дружина?) днем сидят около его ложа, а ночью спят там же. А ложе его огромное и инкрустировано драгоценными камнями. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек-наложниц.

Иногда он пользуется одной из них на глазах своих сподвижников. И этот поступок они не считают постыдным. При этом он не спускается со своего ложа, а удовлетворяет девушку в таз.

Если же царь русов хочет поехать верхом, то ему подведут лошадь к ложу таким образом, что он сядет на нее прямо с ложа. Если же, наоборот, ему необходимо сойти с лошади, то он ее подводит к ложу настолько близко, что сходит с нее прямо на ложе. Царь русов не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться с девушками, пить и предаваться развлечениям. У него есть еще заместитель, командующий войсками, который нападает на врагов и замещает его у подданных.

Добропорядочные люди из русов занимаются кожевным ремеслом и не считают это занятие отвратительным. Бывает так, что между двумя лицами возникает ссора и спор, и царь русов не может их примирить. Тогда он выносит решение, по которому они обязаны сражаться друг с другом мечами. Тот, кто победит, и окажется правым.

Что же касается царя хазар, который носит титул хакан, то он не показывается народу иначе, как раз в четыре месяца. При этом появляется лишь на почетном расстоянии. Его называют «большой хакан». А его замести-

тель называется «хакан-бек». Второй предводительствует и командует войсками, управляет делами государства, руководит «большим хаканом», общается с народом, ходит в походы. Именно ему изъявляют покорность цари соседних земель.

Он обязан каждый день входить к большому хакану смиренно, проявляя униженность и спокойствие. Он входит к нему не иначе, как совершенно босым, держа в своей руке дрова. Приветствуя большого хакана, он зажигает перед ним очаг. Когда покончит с этим делом, он садится рядом с царем на троне с правой его стороны. Хакан-бека замещает муж, называемый кундур-хакан, у которого тоже есть заместитель, называемый джавшыгыр (или джавышгыр).

Поведение большого хакана отличается тем, что он не дает аудиенции людям и не разговаривает с ними, и к нему никто не имеет права явиться, кроме тех, кого мы упомянули. А полномочия вершить дела, наказывать преступников и управлять делами государства принадлежат его заместителю хакан-беку.

Другой обычай относительно большого хакана состоит в том, что, если он умрет, то строится для него большая усадьба из двадцати домов, и в каждом из них роется для него могила, т. е. всего двадцать могил.

Потом измельченные до мельчайшего состояния камни, напоминающие глазной порошок, расстилаются в могиле и поверх этого накладывается негашеная известь. Надо сказать, что под этой выстроенной усадьбой течет река и она большая, быстротекущая. Они туда специально подводят эту реку и говорят: «Это мы сделали для того, чтобы сюда не добрался ни шайтан, ни человек, ни черви, ни насекомые».

После похорон большого хакана всем, кто участвовал в этом деле, рубят шеи. Это для того, чтобы не было известно, в каком из домов находится его могила. Могила же его называется рай и говорят они: «Он вошел в рай».

Все упомянутые двадцать домов высланы парчой, сотканной из золота.

У царя хазар двадцать пять жен, причем каждая из них — дочь какого-либо царя соседних земель. Он берет их себе волей или неволей. Еще у него шестьдесят девушек-наложниц для постели, причем все они отличаются красотой. И каждая из свободных наложниц живет в отдельном дворце, еще у нее есть помещение в виде купола,

крыша которого из тикового дерева. И вокруг этого куполообразного здания имеется пространство для прогулок. У каждой наложницы есть евнух, который ее стережет.

Итак, если большой хакан захочет использовать одну из них как наложницу, он посылает за ее евнухом. Тот является с ней быстрее мгновенья ока, чтобы положить ее в его постель, при этом евнух останавливается у дверей помещения с наружной стороны. Когда же хакан насладится ею как наложницей, евнух берет ее за руку и быстро удаляется.

Когда этот большой хакан выезжает верхом, то по случаю торжественного выезда его сопровождают войска, причем между ним и войском сохраняется довольно значительное расстояние. При этом ни один из подданных не должен видеть его иначе, как павши ниц и не поднимать головы, пока он не проследует мимо.

Продолжительность правления их хакана — сорок лет. Если он переживет этот срок хотя бы на один день, подданные и его приближенные уволят его или же убьют, при этом скажут: «У него уменьшился ум и рассуждать он стал путано».

Если большой хакан пошлет в поход какой-нибудь отряд, он никоим образом не должен отступать. А если все же это случится, то каждый из вернувшихся обратно предается смерти. Что же касается предводителя войска и его заместителя, то, если они в бою обратятся в бегство, приведут их самих, их жен, их детей и на глазах виновника подарят их другим людям. А виновные смотрят на это точно также, как если бы дарили их лошадей, домашние вещи, оружие, их усадьбы. Иногда же хакан разрежет каждого из них пополам и прикажет распять их на дереве, а бывает, что и просто повесят за шею. Иногда же, если окажет им милость, назначит их конюхами.

У хазарского хакана на реке Итиль стоит огромный город. Он состоит из двух частей — в одной из них живут мусульмане, в другой — сам хакан с приближенными. Главным над мусульманами является муж из числа приближенных отроков хакана, который носит титул хаз. Он сам мусульманин и судебная власть над мусульманами страны хазар и временно пребывающими там по торговым делам отдана этому отроку-мусульманину. Так что все дела рассматривает и совершает суд над ними только он один. У мусульман в этом городе есть соборная мечеть, в которой они совершают молитву и собираются в ней по

пятницам. При мечети имеется высокий минарет и несколько муэдзинов.

Когда же в 310 году до хазарского хакана дошла весть о том, что в Усадьбе аль-Бабунадж¹ мусульмане разрушили синагогу (еврейский храм), он приказал снести минарет мечети, казнил муэдзинов и сказал: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».

Хазары и их хакан — иудеи, а сакалибы-булгары и все, кто соседствует с ними, находятся у него в подчинении. И он обращается с ними, как с рабами, и они подчиняются ему с покорностью.

¹ Усадьба аль-Бабунадж — возможно, какой-нибудь еврейский квартал или в Багдаде, или в каком-нибудь другом городе Ирана.

ПОСОЛЬСТВО БАГДАДСКОГО ХАЛИФА К ЦАРЮ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В 921 — 922 ГОДАХ¹

ДЖА'ФАР ал-Муктадир-би-ллах следался багдадским халифом в августе 908 г., когда он был еще мальчиком тринадцати лет. Внешне состояние его государства казалось блестящим. Правда, эпоха расцвета Аббасидского халифата ушла в прошлое уже со времен правления халифа ал-Му'тасима (833—842) или, пожалуй, ал-Васима (842—847). В дальнейшем, власть халифов в результате своеволия тюркской гвардии, восстания рабов зинджей, движения карматов, отпадения Ирана и Египта приходила во все больший упадок. Однако отцу маленького Джа'фара, беспощадно жестокому ал-Му'тадыду (892—902) и его старшему брату ал-Муктафи (902—908) удалось временно укрепить государство.

Западный и южный Иран вновь были подчинены Багдаду. В 894 г. для укрепления в Иране власти халифа, еще при жизни отца, ал-Муктафи был назначен правителем Рея. В Средней Азии, в Бухаре, утвердилась таджикская династия Саманидов, признававшая халифа своим верховным главой и боровшаяся против его врагов, табаристанских Алидов. Когда в Сирии произошло большое восстание карматов, полководец халифа Мухаммед ибн-Сулейман в битве при Хаме в ноябре 903 г. разгромил восставших. Предводитель карматов был казнен в Багдаде вместе со многими другими пленными и вообще сторонниками карматского движения. Через два года Мухаммед ибн-Сулейман покорил для халифа ставший было самостоятельным Египет и окончательно подчинил Сирию.

Однако внутреннее положение в Багдадском халифате было крайне напряженное. Аббасидский переворот в сере-

¹ Ковадевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

дине VIII века, в котором угнетенные массы принимали самое активное участие, принес им лишь временное облегчение. Хотя халифат был феодальным государством, но феодальные отношения еще не вполне сложились. Вся земля юридически и в значительной степени фактически принадлежала халифу, причем население эксплуатировалось главным образом непосредственно центральной властью через административный и военно-полицейский аппарат.

Земли, издавна принадлежавшие знати или же вновь пожалованные халифом, не считались собственностью владельца. Если владелец умирал или попадал в немилость, они отбирались в казну. Для передачи их наследникам требовалось особое подтверждение халифской власти. Естественно, что правители областей и владельцы земель старались заставить местное население, помимо государственных повинностей, отдавать все свои «излишки» в их пользу, выжимая из него последние средства к существованию. Между тем и государственные повинности становились для крестьян все тяжелее.

Сначала они носили в значительной степени натуральный характер, причем отдавалась часть, обычно половина, снятого урожая. Однако, учитывая неустойчивость этого дохода, правительство перешло к обложению крестьян в соответствии с размером посевной площади. Хотя при этом и принималось во внимание качество земли, ее орошение и т. д., но первый же сколько-нибудь значительный неурожай разорял крестьянина. С другой стороны, развитие денежных отношений в халифате, увеличение расходов халифского двора и знати приводило к тому, что налоги с земли все более взимались не натурой, а деньгами. Теперь уже и урожайный год не приносил облегчения крестьянину, так как в этом случае цены на сельскохозяйственные продукты падали, а денежный налог оставался все тот же. Для местностей, удаленных от рынков сбыта, уплата денежного налога становилась особенно тягостной. В результате этого народные восстания против аббасидской власти, начавшись сразу же после ее установления, не прекращались и в дальнейшем, в IX и начале X века вырастали в грозные революционные движения, охватывавшие целые провинции.

Вскоре после свержения Омейядов государственная власть значительно укрепилась, так как теперь она опиралась не только на ограниченную прослойку арабской зна-

ти, как при Омейядах, но и на феодализирующуюся местную знать многих стран, вошедших в состав обширного государства, в частности на иранскую знать. Кроме того, вначале Аббасидский халифат переживал некоторый общий экономический подъем.

Но в дальнейшем положение изменилось. Правители областей и местная знать все более стремились закрепить за собой и земли и доходы с сидящих на них крестьян. Пока халифское правительство и его государственная организация были необходимы для обеспечения господствующему классу власти над населением, халифа признавали и подчинялись его распоряжениям. Однако по мере того как феодальная знать упрочивала свое господство собственными силами связь с Багдадом становилась номинальной или вовсе прекращалась. Тогда халифу не оставалось ничего иного, как прибегать к военной силе. Но это давало все меньшие результаты тем более, что местное население часто поддерживало своих правителей в их борьбе против халифа. Так, в 905 году халифу удалось снова покорить тулунидский Египет, отдав его на разграбление войскам Мухаммеда ибн-Сулеймана, но Саманиды и шахи Хорезма будучи вне досягаемости для халифских войск, лишь формально признавали багдадского халифа своим верховным главой, а Алиды в Табаристане не только не признавали власти халифа, но вели против него и Саманидов непримиримую борьбу. Народные восстания хуррамитов в Азербайджане, карматов в Сирии и Бахрейне и другие не смогли привести к уничтожению эксплуатации, но, расшатывая государственные основы халифата, они способствовали его распаду.

В такой обстановке положение Багдадского халифа было очень неустойчиво. Это усугублялось борьбой между собою придворных партий. Так, власть ал-Муктадира уже при самом вступлении его на престол подвергалась большой опасности. Однако сторонники молодого халифа в упорной борьбе сумели его отстоять. Ближайшим к нему человеком был старый слуга его отца и брата Сафи ал-Харамии, начальник харема, внутренних покоев дворца. «Когда покойный халиф ал-Муктафи умирал,— говорит историк,— и он уже потерял рассудок, Сафи ал-Харамии взял печать из его рук и передал его везиру ал-А'ббасу ибн-ал-Хасану».

В значительной мере благодаря смелости и находчивости Сафи маленький Джа'фар был возведен на престол.

Он скрывался тогда «в усадьбе Ибн-Тариха, бывшей убежищем для детей халифов». Везир ал-А'ббас ибн-ал-Хасан условился с Сафи о том, что последний явится с будущим халифом в усадьбу ал-'Аббаса на берегу Тигра, откуда они все трое спустятся вниз по течению реки ко дворцу. Но вместо этого Сафи поднялся с халифом от дома ал-'Аббаса вверх по течению, «боясь возможных хитростей, и это было сочтено доказательством его твердости и его ума».

Не успел, однако, Джа'фар стать халифом, как была сделана попытка свергнуть его. В декабре того же 908 года власть пытался захватить его двоюродный дядя Ибн-ал-Му'тазз, знаменитый поэт, но неудачливый «халиф одного дня». На этот раз престол ал-Муктадира был упрочен его военачальником евнухов Мунисом. Мунис и в дальнейшем командовал войсками халифа в борьбе против внешних врагов, но главным образом подавлял восстания народных масс и местных феодальных правителей. Особенно упорна была борьба за западный Иран. В 915/16 году Мунис отвоевал у Саманидов крупный город Рей (недалеко от нынешнего Тегерана), позже он победил и взял в плен непокорного владетеля Азербайджана Йусуфа ибн-абу-с-Саджа, и в сентябре 919 года торжественно возвратился в Багдад.

Государством управляли везиры. Везир в это время был первым лицом в государстве после халифа. Такого рода полномочные министры существовали еще во времена Сасанидов. В халифате эта должность была создана после прихода к власти Аббасидов. Обязанности везира были универсальны: он вел сношения с иностранными державами, назначал командующих армиями и правителей областей, содержал сложный шпионский аппарат и т. д. Но, пожалуй, самой главной его обязанностью было собиранье с населения поземельных и подушных налогов, торговых пошлин и т. п. В его распоряжении для этой цели был большой чиновничий аппарат. Везир держал в своих руках финансы государства. Понятно, что справиться с такими сложными обязанностями одному было трудно. Главными помощниками везира по управлению обычно были его ближайшие родственники.

Таким образом, у власти оказывались целые семьи. Большую роль играла, например, при халифе Харуне ар-Рашиде семья Бармакидов. Везиры и их родственники

обычно принадлежали к аристократии, владевшей землями, дворцами и другими богатствами. Пользуясь своим служебным положением, они приобретали многочисленные имения в различных концах халифата и даже в странах, находившихся в вассальной зависимости от него, обогащались также за счет ограбления купечества, враждебной им знати и, конечно, непосредственно за счет казны.

При халифе ал-Муктадире выдающуюся роль среди везиров играла семья Ибн-ал-Фуратов. Она пришла к власти в результате попытки Ибн-ал-Му'тазза захватить престол и окончательной победы сторонников молодого Джа'фара ал-Муктадира. Во время этих событий старый везир ал-'Аббас ибн-ал-Хасан, служивший еще халифу ал-Муктафи, был убит, и в декабре 908 года место везира занял Абу-л-Хасан 'Али ибн-ал-Фурат. Тогда же к его брату Джа'фару перешло управление финансами халифата. В результате все доходы государства оказались в руках этой семьи. Джа'фар «финансист» умер летом 910 года, а его управление перешло к двум сыновьям 'Али ибн-ал-Фурата, из которых один управлял финансами восточной части халифата, другой — западной.

Что же касается их отца 'али, то он продолжал быть везиром до июля 912 г., когда был разжалован, посажен в тюрьму, а его имущество было конфисковано. Он был обвинен в сговоре с разбойниками-бедуинами, которые должны были напасть на Багдад и ограбить его, отчего везир, очевидец, имел бы свою выгоду. Говорили также, будто 'Али ибн-ал-Фурата обвиняли в том, что он был крайний шиит. Однако, если бы это было правдой, он несомненно, был бы казнен. К вопросам религии 'Али относился совершенно индифферентно. Историк Хилал ас-Сабн в «Книге везиров» вставляет ему в уста такую фразу: «Мне нужен человек, который не верит бы ни в Аллаха, ни в день суда, но который повиновался бы мне вполне, чтобы я отправлял его для выполнения нужных мне дел».

При всем том 'Али был нужный для халифа человек. Будучи у власти, он организовал в Багдаде нечто вроде государственного банка, руководство которым поручил одному еврейскому дому из Ахваза. В июне 917 г. он стал опять везиром. Но немногим больше через год его своекорыстие привело государственные финансы к краху.

В ноябре 918 г. Ибн-ал-Фурат был снова разжалован и посажен в тюрьму. К этому времени он владел в разных концах халифата огромными имениями. Только та их часть, которая находилась на востоке государства, давала 95 278 дирхемов дохода в год. Несмотря на то, что 'Али вторично подвергся тюремному заключению, сын его продолжал сохранять влияние при халифском дворе. В августе 923 г. он не только выхлопотал прощение отцу, но добился того, что 'Али вновь, в третий раз, был назначен везиром. Однако в июне 924 г. 'Али и сын его ал-Мухассин были все же арестованы и в июле того же года казнены.

Взяточничество, казнокрадство, расточительность везира считались нормальным явлением, карались только «крайние» злоупотребления.

Окруженный такими людьми, ал-Муктадир государственными делами не занимался, а весело проводил время в своем хараеме. Говорили, что его редко можно было видеть в трезвом состоянии. Он даже велел выбить медаль, на которой был изображен пьющим и играющим на струнном инструменте. Старый начальник внутренних покоев халифа Сафи ал-Харамии умер в 910/11 г. В этом же году через короткий промежуток времени его преемником стал Назир ал-Харамии, который сделался самым близким к халифу человеком. Так, мы узнаем, что в 915/16 г. халиф именно ему передал под арест Хусейна ибн-Ису, брата тогдашнего везира 'Али ибн-'Исы. Этот Хусейн когда-то, в трудные для ал-Муктадира времена, сделался сторонником Ибн-ал-Му'тазза, был изгнан, но потом все же помилован.

Начальник внутренних покоев дворца, да и вообще все окружающие старались доставить халифу всяческие развлечения. Так, сохранились рассказы о том, что эмир Омана Ахмед ибн-Хилал в 918/19 г. прислал в подарок халифу целый зверинец, где были морские чудовища, редкостные обезьяны из Восточной Азии, громадные змеи и даже огромный муравей из Восточной Африки, будто бы величиной с кошку, скованный цепью и посаженный в железную клетку. Хотя по дороге этот муравей издох, но его консервировали, положили в «горький сок» и привезли в Багдад. «И видел его сам ал-Муктадир и жители Багдада».

В разгар такого рода развлечений халифа и его приближенных весной 921 г. к багдадскому двору прибыл по-

сол из отдаленной северной страны. Звали его 'Абдаллах сын Башту, по прозвищу Хазарин. Он привез письма от царя северных народов «сакалиба», т.е. «славян». Имя этого царя было Алмуш сын Шилки, а титул — йылтывар. Одно из писем было адресовано халифу, а другое — Назиру ал-Харамии, о существовании которого царь был, очевидно, хорошо осведомлен. По-видимому, было еще третье письмо — везиру Хамиду ибн-аль-'Аббасу. Царь «славян» просил халифа «о присылке к нему кого-либо, кто наставил бы его в вере, преподал бы ему законы ислами, постороил бы для него мечеть и воздвиг бы для него кафедру, чтобы он установил на ней от его (халифа) имени хутбу в его (собственной) стране и во всех областях его государства»; он просил также «о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей, своих противников». В письме Назиру ал-Харамии царь просил прислать ему какие-то лекарства.

Нелегко было послу обратить на себя внимание при халифском дворе или хотя бы вручить письма. Правда, он был мусульманин, как и приславший его царь, озабоченный введением мусульманства в своей стране. Но халиф, с утра до вечера пивший запрещенной Кораном вино, не отличался благочестием. К тому же он был очень «занят» и добиться аудиенции было трудно. Однако у посла оказалась протекция. При дворе халифа в то время жил некий тюрок по имени Текин или Тегин. Он занимал привилегированное положение гуляма, или «отрока», доверенного слуги халифа. Биографии этого человека довольно интересна. Происходил он из среднеазиатских тюрок (из какого именно племени — неизвестно), одно время обосновался в Хорезме и, как говорил о нем впоследствии хорезмшах, занимался кузнечным ремеслом, а также «продажей железа в стране неверных». Эти «неверные» были огузы, жившие в степях нынешнего Западного Казахстана, и башкиры, находившиеся дальше к северу, за рекой Уралом.

Но мы имеем также довольно достоверные данные, что Текин жил прежде некоторое время у царя волжских болгар. Так, еще до прибытия отправленного халифом посольства к этому царю Текин рассказывал секретарю посольства Ахмеду инб-Фадлану, что «в стране царя (есть) один человек чрезвычайно огромного телосложения». Из пересказа более полного сообщения Ибн-Фадлана персидским писателем XII в. Наджибом Хамадани

можно заключить, что Текин находился когда-то на службе у царя болгар и по его приказанию заковывал в цепи вышеупомянутого великана. В Багдаде Текин также имел известное влияние. В то время при халифском дворе большую роль играли его сородичи, турки из Средней Азии. Многие из них занимали высокие должности, особенно в армии. Свои усилия Текин направил главным образом на то, чтобы заинтересовать делами болгарского царства Назира ал-Харамы, ближайшее к халифу лицо. Назир взялся быть посредником между послом и халифом и передать письмо.

В Багдаде, по-видимому, знали, что где-то далеко на севере, на реке Атыл, т. е. Волге, есть царство болгар и что их царь принял мусульманство. Об этом, кажется, ходили даже преувеличенные слухи. Ибн-Руста, рассказывая в своей «Книге драгоценных украшений» о царстве болгар, говорил определенно, что оно лежит между славянами и хазарами, и даже называл по имени того самого царя Алмуша, который прислал своего посла в Багдад. Правда, книга Ибн-Руста, написанная в Испахане и не получившая распространения, вероятно, была неизвестна в Багдаде, но о болгарском царстве здесь, конечно, узнали из тех же источников, что и Ибн-Руста. К тому же при дворе халифа, тоже в качестве гуляма, жил уроженец этой страны, по имени б'арыс, по прозвищу «Саклаби», т. е. «Славянин». Последнее название, как увидим, в данном случае включало более широкое понятие представителя «северных народов». Имя же Барыс на берегах Волги в то время вряд ли можно считать славянским. Таким образом, это Б'арыс, по-видимому, был волжский болгарин. В дальнейшем он уехал с посольством халифа к себе на родину.

«Отрок» Текин, сопутствуемый послом и, конечно, подержанный «отроком» Б'арысом, по словам хорезмшаха, «построил хитрость», «обманул Назира, побудил его обратиться к повелителю правоверных и передать ему письмо царя славян». Хорезмшах имел свои причины быть недовольным, но «хитрость» Текина, конечно, состояла в том, что он рассказал по личным впечатлениям, что представляло собой царство болгар, каковы его взаимоотношения с соседним царством хазар и народом огузов в Средней Азии. Возможно, что он указывал на какие-либо политические перспективы, выгодные для халифского правительства. Конечно, он постарался представить все это

дело в самом выгодном свете, «пустил пыль в глаза», по выражению того же хорезмшаха.

Здесь же, по-видимому, было пущено в ход наименование болгарского царя «царем славян». Термин «сакалиба» и по своему происхождению, и по обычному употреблению в арабском языке обозначает славян. Но так как авторы не слишком хорошо разбирались в этнических признаках, а тем более в языках северных народов, то этим термином сплошь и рядом обозначали всевозможные северные народы: и настоящих славян, и финнов, и болгар. Таким образом, в каждом отдельном случае приходится решать вопрос о том, какое содержание вкладывал в это слово данный автор.

В дальнейшем мы видим, что на хутбе в мечети Алмуш именовал себя сначала «царем болгар», а потом, по совету Ибн-Фадлана, «эмиром болгар». Очевидно, это и был его действительный царский титул. Название же «царь славян» употреблялось лишь, чтобы возвеличить царя в глазах халифского двора, представить его могущественным владыкой северных народов, к которым причислялись и болгары. В действительности царь Алмуш был далек от господства над всеми народами севера. Однако этот пышный титул тоже сыграл свою роль: Назир передал письмо царя «повелителю правоверных» и посол был принят халифом.

В дальнейшем ходе совещаний халифское правительство решило использовать представившуюся возможность связи с болгарским царством в своих политических целях. В самом деле: могущественный северный «царь славян» просил не только о просвещении его в мусульманской вере, но и о более реальной поддержке — о постройке для него крепости. Главным же образом, от которого хотел защититься царь болгар, было Хазарское царство, правящий класс которого принял иудейскую веру. Как выявляется далее из рассказа Ибн-Фадлана, сын болгарского царя был заложником у царя хазар. Кроме того, хазарский хакан требовал одну за другой дочерей болгарского царя себе в жены, что являлось выражением вассальной зависимости.

Весьма важно отметить, что посол царя, хотя и носил прозвище Хазарин, но был мусульманином. Почему же царь болгар поручил ему столь ответственную миссию, направленную против Хазарского царства? Это можно объяснить лишь тем, что 'Абдаллах сын Башту был поли-

тическим эмигрантом из Хазарии, представителем мусульманской партии, которая стремилась низвергнуть правительство хазарского хакана и превратить Хазарию в мусульманскую страну. Принятие мусульманства соседними булгарами должно было этому способствовать. Несомненно, посол мог дать халифскому правительству обстоятельные данные о внутреннем положении Хазарии. Наконец, этот же посол и, конечно, Текин сообщили очень важные сведения о внутреннем положении и среднеазиатского народа огузов и о его отношениях с соседями.

Халифскому правительству было известно, что у огузов главную роль играет не так называемый царь («йабгу»), а начальник войска Этрэк. Но теперь выяснилось, что Этрэк породнился путем брака с царем булгар, что он также не прочь принять ислам и что, следуя за ним, могли бы принять ислам все огузы. А если бы огузы приняли ислам и объединились с царством булгар в борьбе со своим врагом Хазарией, то господство хазарской знати могло бы быть сломлено и хазарские мусульмане захватили бы власть в своей стране. Вот такие головокружительные перспективы рисовались перед группой политиков, собравшихся при дворе халифа для обсуждения просьбы болгарского царя.

Для халифского правительства даже частичный успех подобного предприятия имел бы большое значение. Всюду в халифате могущественные движения, отражавшие недовольство масс, в виде различных сект угрожали власти господствующего класса. Еще свежо было в памяти разграбление Басры карматами в 919/20 г. Северные и восточные области, Азербайджан, Саманидское государство и Хорезм лишь номинально признавали халифа. В Западном Иране борьба за власть не прекращалась. На южных же берегах Каспийского моря, в Табаристане и Гиляне, обосновались Алиды — шииты, ярые враги халифа, старавшиеся распространить свою пропаганду и власть по всему Ирану. Вместе с тем Хазарское царство преграждало самый удобный и легкий путь для торговли с далеким Севером. Победа здесь мусульманской партии, связанной с мусульманскими купцами и ремесленниками, способствовала бы развитию этой торговли.

Хазарское царство, хотя и не имело сколько-нибудь значительного флота на Каспийском море, но по крайней мере препятствовало раньше грабительским набегам сюда по Волге с севера. Но в 913 г., всего за восемь лет до

описываемых событий, через устье Волги и Каспийское море на эти места совершили нашествие русы. Они явились чуть ли не на 500 ладьях в количестве 50 000 человек. Ал-Мас'уди в своем известном рассказе об этом событии яркими красками описывает, как отряды русов, бросившись на Гилян, Дайлем, Табаристан и на Страну нефти, жгли, громили и уводили в плен женщин и детей. На все народы, жившие у южных берегов Каспийского моря, напал ужас, так как с давних времен здесь не было нападений с моря, по которому плавали только купцы и рыболовы.

Награбив сколько могли, русы временно обосновались на островах около Баку, потом, вероятно ввиду приближения зимнего времени, двинулись с награбленным добром к устью Волги. Хотя хазарский хакан, согласно уговору с русами, пропустил их вверх по Волге, но мусульмане Хазарского царства напали на них, многих перебили, отняли пленных и награбленное имущество. В обращении по этому поводу к хазарскому хакану они ссылались на желание отомстить за своих единоверцев-мусульман, т. е. проявили солидарность с населением южных прикаспийских областей. Конечно, русы были давно известны в Багдаде как торговцы, ездившие сюда черед Джурджан. Но это нашествие обратило на них особое внимание. Недаром Ибн-Фадлан так подробно рассказывает о них, а свои сообщения начинает без всяких объяснений: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам».

Нашествие русов тем более должно было быть неприятно багдадскому правительству, что в прикаспийских областях уже тринадцать лет (900—913) как местные шииты были приведены к покорности и правили саманидские наместники. Значит, так или иначе эти области входили в состав халифата. После же нашествия русов здесь поднялась огромная волна народного недовольства, приведшего к свержению власти Саманидов. Хасан ибн-'Али Утруш («Глухой»), использовав крестьянское аграрное движение против крупной помещичьей знати, снова создал сильное алидское государство. После смерти Ибн-'Али Утруша (в феврале 917 г.) начатое им дело продолжал его зять и соратник Хасан ибн-Касим (917—928), по прозвищу «Призывающий к истине», развивший большую завоевательную и миссионерскую деятельность. В случае победы мусульман в Хазарии и принятия ислама огузами политическое положение на берегах

Каспийского моря, конечно, резко изменилось бы в пользу халифата. Определенное значение это имело бы и для удержания в покорности халифу среднеазиатских государств Саманидов и Хорезма.

У болгар и огузов не было почвы для тех учений, которые в халифате выражали стремление к освобождению угнетенных народных масс, а в отдельных случаях поддерживались стремлением провинций к отделению. Классовое расслоение у них было еще сравнительно слабо, а правящая верхушка, принимая ислам, дорожила «правоверием» и связью с халифом, чтобы этим путем поддерживать свой авторитет. Через 25 лет «еретик» шиит Ахмед ибн-Бувеих захватил Багдад и сделал его своей столицей. Халиф потерял светскую власть. Но еще через 90 лет потомки тех самых тюрок, которых халиф когда-то собирался обратить в ислам, в свою очередь взяли Багдад и как «правоверные» мусульмане вернули ему «духовный» авторитет, после чего последовало и восстановление халифского государства. Конечно, этого хода истории ал-Муктадир и его советники не могли предусмотреть, но они пришли к заключению, что для них важно найти поддержку в обращении в ислам северных народов.

Итак, «было дано согласие на то, о чем он (царь болгар) просил» и для этого решено было отправить к нему посольство. Посольство должно было проехать через Бухару, официально поздравить молодого эмира Насра ибн-Ахмеда с восшествием семь лет тому назад (в 914 г.) на престол и дальше по пути установить связь с начальником войска огузов Этрэком, причем постараться обратить его в ислам.

Осталось еще решить немаловажный вопрос, где взять на эту экспедицию денег. Как уже говорилось, незадолго перед тем, в 918 г., везир 'Али ибн-ал-Фурат привел халифскую казну к полному краху. Правда, некоторый выход из положения тогда был найден: потери казны должны были возместить конфискованные поместья злополучного везира. Однако за прошедшие два с половиной года этот «резервный фонд» был уже почти весь истрачен. Оставались лишь самые отдаленные поместья, например, в Средней Азии. Одно из них, в далеком Хорезме, и решено было реализовать, чтобы получить необходимую сумму для постройки крепости. Из этих же денег предполагалось оплатить труд законовевов и религиозных учите-

лей, которые должны были насаждать ислам в стране булгар.

Поместье Ибн-ал-Фурата, предназначенное для конфискации, называлось Арсахушмисан и лежало на трети пути от тогдашней столицы Хорезма Кяс до города Джурджани (Старый Ургенч). Впоследствии на месте владения Арсахушмисан вырос большой торговый город. Сумма, которую предполагалось получить за это поместье — 4000 «мусайябских» среднеазиатских динаров, — была установлена заранее, так как она была указана в письмах к царю булгар, написанных в Багдаде перед отправлением посольства. Деньги же посольство должно было получить в пути, в Бухаре или Хорезме, через хорезмийца Ахмеда ибн-Мусу, который должен был ехать вместе с посольством, но задержался в Багдаде. Если сумма в 4000 динаров была точно установлена еще в Багдаде, то, по-видимому, этот Ахмед Хорезмиец и был «покупателем» имения. Вероятно, он был богатым человеком. Саманидский эмир говорит о нем как о хорошо известном лице. Управляющий поместьями Ибн-ал-Фурата в Средней Азии указывал своим агентам его приметы, чтобы они могли задержать его по дороге. Значит, он тоже хорошо его знал.

Итак, главный, финансовый вопрос был решен. Что касается путешествия посольства, то вначале, до Бухары и Хорезма, оно продвигалось, как обычный купеческий караван. В Бухаре и у хорезмшаха об удовлетворении всех нужд посольства заботились местные правители, признававшие халифа своим повелителем. Кроме того, в Средней Азии посольство, вероятно, получило от Саманидов и Хорезма если не дань, то подарки. Это видно из того, что в дальнейшем послы преподнесли начальнику войска огузов Этрэку много все тех же «мусайябских» динаров, которые могли быть получены или только на месте, в Средней Азии. В степи послы раздавали кочевой знати огузов подарки, состоявшие из ремесленных изделий Средней Азии, в частности мервские одежды. Между тем город Мерв посольство проехало без остановки. Возможно, конечно, что эти одежды куплены на базарах Бухары, но, вернее, они были получены от саманидского эмира. Позднее, в Джурджани (Старом Ургенче) послы купили «тюркских», т. е. двугорбых верблюдов. Но зато раньше, при посадке на корабль на Аму-Дарье

для следования вниз по реке к Хорезму, были, вероятно, проданы одногорбые верблюды.

Самые большие расходы были произведены во время путешествия через Усть-Юрт и заволжские степи, где посольство ехало с караваном в 5000 человек и 3000 лошадей, не считая верблюдов. Находился здесь и военный эскорт, данный на границе степи по распоряжению из Бухары. Вероятно, много было и нанятых людей. Так, был нанят проводник, по дороге еще принимали на службу людей, например, при посольстве служил какой-то башкир-мусульманин. Кроме того, в степи у огузов по местному обычаю приходилось делать многочисленные подарки. Халифская казна выделила от себя ценные подарки для Этрэка и его жены — одежды из парчи и шелка, чадру и перстень, а для царя болгар и его семьи — дорогие халаты, благовония, жемчуг. Царю, кроме того, уже в качестве пожалованных знаков власти, — седло, савад (официальная черная одежда Аббасидов) и тюрбан. Все это, конечно, было привезено из Багдада. Так как на эти подарки, вероятно, последовали ответные подарки в виде ценных мехов, то расходы халифского правительства, особенно денежные, на эту экспедицию не могли быть очень велики.

Организуя посольство, нужно было прежде всего назначить посла. Это должен был быть надежный человек. Но никто из сколько-нибудь значительных вельмож халифского двора ни за что не отправился бы в такое далекое и опасное путешествие. И вот, так как Назир ал-Харамии был главным инициатором этого дела, то он и предложил в качестве посла своего же клиента по имени Сусан ар-Расси. Уже самое имя этого человека наводит на размышления. «Сусан» значит «лилия». Именами же цветов, драгоценных камней и т. п. обычно называли рабов.

Хотя общественный строй халифата был феодальный, но наряду с ним существовал в виде пережитка и рабовладельческий уклад. Рабы использовались на тяжелых работах. Так, в районе нижнего течения Тигра и Ефрата и у берегов Персидского залива было много рабов-негров из Восточной Африки, работавших на ирригации, на добыче соли и сахарных плантациях. Насколько велико было здесь применение рабского труда, видно из того, что в 369—833 годах рабы подняли огромное восстание, захватили город Басру, и халифское правительство не могло с ними справиться в течение четырнадцати лет.

В дальнейшем, в начале X века борьба рабов за свое освобождение слилась с революционной борьбой крестьянства и городской бедноты в движении карматов.

Другой, совершенно отличный тип рабов представляла собой халифская гвардия, состоявшая преимущественно из среднеазиатских тюрок. Впрочем, эти воины могли происходить и из других народностей. Так, в Корозовском халифате в Испании эти привилегированные рабы были по преимуществу славяне. Из спутников Ибн-Фадлана к числу таких «гулямов» или «отроков» принадлежали Текин и Барыс. Кроме этого, в халифате было широко распространено домашнее рабство. Эти рабы находились в услужении знатных и богатых людей. Они могли быть самого разнообразного происхождения — захваченные в войнах с Византией, негры, славяне, турки и т. д.

Халифский посол Сусан, по-видимому, первоначально был именно таким рабом.

Историк Ибн-ал-Асир переносит нас в обстановку самой горячей борьбы между малолетним ал-Муктадиром, или точнее его сторонниками, и его двоюродным дядей Ибн-ал-Му'таззом, который на один день захватил власть. После победы ал-Муктадира «халиф одного дня» скрывался в доме некоего Ибн-Джассаса. Прозвище «Джассас», что значит «обжигатель» или «продавец извести», было присвоено отцу этого человека. Но сын его был известный богач в городе, носивший прозвище ал-Джаухари — «Ювелир». Ал-Мас'уди рассказывает, что при его аресте в 914/15 г. у него были конфискованы огромные богатства.

У этого Ибн-Джассаса ал-Джаухари был слуга по имени Сусан, по прозвищу, конечно, ал-Джассаси. Видя удачную для себя возможность выдвинуться путем предательства, Сусан донес о местопребывании Ибн-ал-Му'тазза упомянутому выше Сафи ал-Харамии. Эта была большая услуга ал-Муктадиру и его сторонникам. Несомненно, Сусан получил свободу и, вероятно, сделался клиентом того же Сафи ал-Харамии. Придворные историки, сторонники победившей партии, конечно, его восхваляли. Так, позднее Хилас ас-Саби дает ему такую характеристику: «Слуга, известный своей религиозностью, отличающийся бдительностью, известный под именем Сусана ал-Джассаси».

Конечно, Сусан поспешил избавиться от неприятного прозвища ал-Джассаси. Назир ал-Харамии вскоре заменил

при дворе халифа умершего Сафи ал-Харамии. Эти два лица, по-видимому, были как-то между собой связаны. Естественно, что Сусан сделался клиентом Назира. Какое значение имело его новое прозвище ар-Расси — пока установить трудно. Вернее всего, он получил его в качестве клиента. Между тем тождество этого прозвища с нисбой одного из известных родов Алидов на первый взгляд придавало Сусану некоторый вес. Но если данное сопоставление верно, то Сусан, конечно, не был арабом по происхождению. Впрочем, при халифском дворе это тогда не имело особого значения. Обязанный всем Назиру ал-Харамии, Сусан готов был выполнить любое его поручение.

Вместе с послом поехали: его свояк, не названный по имени и, вероятно, не игравший в посольстве никакой роли, два уже известных нам отрока халифа — Текин Тюрюк и Барыс «Славянин», еще какие-то «отроки», по-видимому, в качестве слуг и охраны, наконец, знатоки мусульманского права и религиозные учителя. С посольством халифа возвращался также посол царя болгар 'Абдаллах сын Башту.

Но среди членов посольства не было человека, который мог бы руководить этой дипломатической и религиозной миссией. Законоведы и учителя веры состояли на жалованьи и в состав посольства не включались. Однако и этим людям предстояла ответственная, в конечном счете политическая задача — ввести в Булгарском царстве не только ислам, но и багдадские мусульманские обряды в противовес среднеазиатским. Значит, они нуждались в руководстве опытного и знающего лица. Дипломатические переговоры тем более вести было некому, так как все члены посольства, по-видимому, были малограмотны или вообще неграмотны. Для выполнения этих задач в состав посольства в качестве секретаря и был включен некий Ахмед ибн-Фадлан.

Об этом человеке мы знаем очень мало. Полное его имя — Ахмед ибн-Фадлан ибн-ал-'Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад — указывает на длинный ряд предков с чисто арабскими именами. Внимательное рассмотрение различных мест его сочинения приводит к заключению, что он сам себя и окружающие считали его арабом. Правда, в северных странах вообще всех членов посольства готовы были называть арабами, так как пославшего их халифа называли «царь арабов». Например, Этрэк рекомендует их начальникам огузов следующим образом: «это послы царя

арабов». Соответственно и его жена говорит: «это подарок..., который преподнесли ему арабы». Специально к Ибн-Фадлану, как к арабу, обращаются: тюрок огуз («скажи этому арабу...») и рус («вы, арабы, глупы»).

Но эти люди могли ошибаться. Гораздо лучше в этом деле разбирался царь болгар, для которого этот вопрос имел политическое значение. В лице Ибн-Фадлана он видел единственного араба в посольстве, а потому и настоящего представителя халифа. В своей гневной речи по поводу недоставления 4000 динаров он подчеркивает, что остальные члены посольства «не арабы», и поэтому он им не доверяет. В связи с этим находится и то обстоятельство, что царь сравнивал Ибн-Фадлана с первым халифом, называя его «Абу-Бекр Правдивый».

Общественное положение Ибн-Фадлана определяется по двум источникам: 1) у Йакута в ремарке к выписке о башкирах читаем о нем, что халиф послал «клиента повелителя правоверных, потом (а также) клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана»; 2) в Мешхедской рукописи подобное же указание находим в заголовке «Книги» Ибн-Фадлана и еще дважды в ремарках редактора Мешхедского сборника перед статьями других авторов. Из сопоставления вариантов восстанавливаем в данном случае такой первоначальный текст: «Книга Ахмеда ибн-Фадлана..., клиента Мухаммеда ибн-Сулеймана, Хашимида, посла ал-Муктадира к царю «славян».

Разбор этих данных представляет значительные трудности. «Клиент» представлял собой неполноправного, зависимого человека, находившегося под покровительством или какого-либо арабского племени (в более ранние времена), или частного лица из арабской аристократии. Во времена Омейядов положение клиентов было очень тяжелым. В то время это были представители покоренного неарабского населения или бывшие рабы, вольноотпущенники. Однако в эпоху Аббасидов положение клиентов значительно изменилось к лучшему. В IX и X вв., когда видную политическую роль могли играть даже лица, являвшиеся по своему социальному положению рабами, положение клиента уже ни в коем случае не могло быть униженным, особенно если его патроном был какой-нибудь знатный вельможа, а тем более сам халиф.

Клиент халифа оказывался даже выше рядового полноправного человека, так как пользовался особым покровительством. «Клиент повелителя правоверных» становит-

ся почетным титулом: его, между прочим, носил потомок хорезмшахов Мансур ибн-'Али ибн-'Ирак, родной племянник того самого хорезмшаха Мухаммеда ибн-'Ирака, которого посетило посольство халифа в 921 г. Таким же титулом и царь болгар стал называть себя на хутбе. Еще при Омейядах, а тем более впоследствии, клиенты выдвинули из своей среды много образованных, учёных людей. С другой стороны, при Аббасидах арабы потеряли свое исключительно привилегированное положение в халифате, и члены обедневших арабских семей могли попадать в положение клиентов. По-видимому, именно к таким лицам и принадлежал Ибн-Фадлан.

Все данные сходятся на том, что Ибн-Фадлан был клиентом некоего Мухаммеда ибн-Сулеймана. Из исторически известных лиц в ту эпоху это имя носил только один, именно упомянутый выше полководец халифа, завоевавший Египет в 905 г. Его происхождение окутано малоизвестными легендами. Из рассказа у Абу-л-Махасина узнаем, что он носил прозвища «Самаркандец» и «Писарь». Еще юношей он будто бы прибыл из Багдада в Египет и был здесь писарем у Лулу, приближенного евнуха Ахмеда ибн-Тулуна. Последний приказал было казнить Мухаммеда ввиду предсказания, что он уничтожит власть его потомков в Египте, что якобы и оправдалось в 905 г. Но Лулу защитил его.

Поход Мухаммеда ибн-Сулеймана в Сирию против карматов и дальнейшее завоевание им Египта известны во всех подробностях. Мухаммед ибн-Сулейман, однако, не был назначен правителем Египта. Он произвел здесь невиданный грабеж и избиение жителей. Возвращаясь из Египта в Багдад через Сирию, он вез с собой более миллиона динаров наличными, а прочих драгоценностей, украшений и ковров на 24 тысячи верблюжьих поклаж. Это будто бы предназначалось для халифа. Но также «взял Мухаммед ибн-Сулейман еще для себя лично и для своих товарищей, кроме этого, неисчислимое количество». Однако халиф, не дав Ибн-Сулейману доехать до Багдада, велел арестовать его, посадил в тюрьму и настойчиво требовал денег, которые тот взял с Египта. Он оставался в тюрьме до начала 909 г., когда, уже при ал-Муктадире, к власти пришла семья Ибн-ал-Фуратов. Тогда Ибн-Сулейман был освобожден и отправлен в Иран, в Казвин, управляющим казвинскими поместьями халифа и для сбора податей.

Далее мы случайно узнаем, что в 908/909 и 918/919 гг. известный своей честностью и добротой, бывший впоследствии везиром, 'Али ибн-'Иса вместе с Мухаммедом ибн-Сулейманом составляли финансовый отчет о доходах Сирии и связанных с нею областей. О последних годах жизни Мухаммеда ибн-Сулеймана мы узнаем от Ибн-ал-Асира, который довольно подробно рассказывает обстоятельства борьбы за власть в северо-западном Иране после того как полководец халифа Мунис, разгромив Йусуфа ибн-abu-с-Саджа, увез его в качестве пленника в Багдад. Мухаммед ибн-Сулейман выступает здесь уже как «начальник войска», карательного отряда, действующего по сбору хараджа. Он погиб в 919 г. у стен Рея в столкновении с захватившим этот город Ахмедом ибн-'Али, «братом Су'лука», о котором речь будет дальше.

Приведенная биография не дает сколько-нибудь конкретного представления о характере отношений Ибн-Фадлана к его предполагаемому патрону. Одно ясно, что в 921 г., в период организации экспедиции, прошло уже два года со времени смерти Мухаммеда ибн-Сулеймана. Между тем в ремарках Мешхедской рукописи стоит еще загадочная нисба — «ал-Хашими». Ее упоминание в двух совершенно различных местах этой рукописи не может быть случайным и, несомненно, восходит к какому-то первоисточнику. Она стоит непосредственно после имени Мухаммеда ибн-Сулеймана, но едва ли может относиться к завоевателю Египта, хотя бы по «худому родству», т. е. по клиентуре. Но если не будет найден в эту эпоху какой-либо другой Мухаммед ибн-Сулейман-Хашимид, то нисбу эту придется волей-неволей отнести к самому Ибн-Фадлану. Нисбу же «Хашимид» Ибн-Фадлан мог носить только как клиент халифа. Этому, вероятно, и соответствует у Йакута «клиент повелителя правоверных».

В указанном составе посольство выехало из Багдада 21 июня 921 г. В нашу задачу не входит давать во всех подробностях обзор путешествия посольства через Рей, Нишапур в Бухару, оттуда назад к Аму-Дарье, потом вниз по этой реке до столицы Хорезма Кяс, далее зимовку в Джурджании (Старом Ургенче), наконец, семидневный переезд на север к берегам Волги, в царство болгар. Остановимся лишь на тех моментах, которые были связаны с политическими задачами посольства.

Хотя Ибн-Фадлан всё время подчеркивает спешность путешествия, однако в городе Рее послы пробыли целых

одиннадцать дней в ожидании правителя этого города Ахмеда ибн-'Али, «брата Су'лука». Поехав далее, они нашли его на следующей остановке, Хуваре Рейском, где пробыли три дня. Как было сказано, этот Ахмед ибн-'Али в 919 г. самовольно захватил Рей. Он разбил высланные против него войска правителя Хамадана и убил халифского сборщика хараджа. Однако в 308 г. хиджры (23 мая 920 — 11 мая 921 г.), незадолго перед отъездом посольства, Ахмед ибн-'Али отправил в Багдад своего посланца с деньгами и подарками и был утвержден в качестве правителя Рея с обязательством платить 160 тысяч динаров в год. В данном случае, как видим, посольство старалось встретиться с ним для ведения каких-то переговоров, как с верноподданным халифа.

Дальнейший путь послов до Нишапура был крайне опасен ввиду господства здесь враждебных халифу табаристанских Алидов. В Дамгане им неожиданно встретился феодал горного Табаристана Шарван II ибн-Рустам ибн-Сухраб ибн-Каран, сторонник упомянутого выше «Призывающего к истине» Хасаяна ибн-Касима. Послам пришлось спешно спрятаться в караване, чтобы незаметно проехать мимо в качестве обыкновенных путешественников. Дальше они уже без остановки мчались до Нишапура, где, на свое счастье, встретили полководца Саманидов Хаммавейха Кусу, только что разбившего алидскую армию во главе с Лейлой ибн-Ну'маном.

Из Нишапура до Бухары посольство ехало уже по хорошо охраняемой дороге. Посещение столицы Саманидов имело целью укрепить связь между саманидским эмиром и халифом. По-видимому, это было первое официальное посольство халифа к саманидскому двору молодого эмира Насра II ибн-Ахмеда. На первой же аудиенции послы поздравили его со вступлением на престол в 914 г. При этом Ибн-Фадлан не без удивления отмечает, что новый эмир — «безбородый мальчик». Он особенно подчеркивает, что во время аудиенции эмир называл халифа своим «господином» и был готов выполнить все его приказания.

Следствием установления таких отношений было то, что посольство получило от саманидского правительства всяческую поддержку, в том числе, по-видимому, подарки вещами и деньгами. Однако получить 4000 динаров за поместье Ибн-ал-Фурата так и не удалось, хотя посольство провело в Бухаре 28 дней. Далее хорезмшах сделал было попытку не пустить посольство на север, но все же

эмир и хорезмшах не только не решались насильственно задержать посольство, но, в конце концов, дали ему даже эскорт. Это объясняется не столько влиянием халифского правительства в Средней Азии, сколько нежеланием здешних правителей вступать в конфликт с болгарским царством, с которым поддерживались оживленные торговые отношения. К тому же халифское правительство прикрывало свою дипломатическую миссию религиозными целями.

Так или иначе, перезимовав в Джурджании, посольство 4 марта 922 г. двинулось далее на север. Это был решающий момент в путешествии. «Отроки», выехавшие с посольством из Багдада, кроме Текина и Барыса, покинули посольство. Покинули его и последние оставшиеся еще законовед и вероучитель, «побоявшись въехать в эту страну». В действительности главной причиной их отказа было то, что основная сумма в 4000 динаров, из которой, между прочим, должно было выплачиваться им жалованье, так и не была получена. Таким образом, с этого момента выполнение всех миссионерских задач посольства падает на одного Ибн-Фадлана. Вообще с отъезда из Джурджании он становится его фактическим руководителем.

Совершив трудный переезд через Устюрт, посольство около 20 марта прибыло в страну огузов (или «гуззов»), занимавший тогда приблизительно область Западного Казахстана. Рассказ Ибн-Фадлана дает ценнейший материал для характеристики их общественного строя. Мы узнаем, что здесь уже далеко зашло имущественное неравенство. Ибн-Фадлан «видел среди гуззов таких, которые владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец». С другой стороны, послы встретили по дороге бедняка-огуза, выпрашивавшего лепешки хлеба. Распространено было и рабство. Так, «если заболит из их (гуззов) числа человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему», «если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него».

Соответственно с этим крупную роль у огузов играла родовая знать, во главе которой стояли «царь» с титулом «йабгу», его заместитель «кюзеркин», различные второстепенные «цари», т. е. родовые старейшины, и «главари». К этим последним относились с большим почтением, у них испрашивали совета в важных делах. В то же время еще сильна была старая родовая демократия. Дела решались «общим советом», с правом свободного вето, причем «при-

ходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись». Точно также, хотя могущественный заместитель царя огузов «кюзеркин» обладал судебными функциями с правом смертной казни, он все же собирал при этом «тюрок», рядовых членов племени. А при случае «презренный» и «жалкий» «оборванец» отзывается об этом «кюзеркине» самым грубым образом.

Среди знати выделялся один человек, который обладал особым влиянием, — это Этрэк, начальник войска огузов. Он владел большими богатствами, «у него челядь, свита и большие дома». Он считался только с советом своих военачальников, которых собирал для совещания по важным вопросам, например, относительно пропуска посольства. По-видимому, Этрэк оттеснил на второй план царя «йабгу» и в сущности сам не прочь был стать полновластным царем огузов, наподобие царя болгар, за которого он выдал замуж свою дочь или сестру. Ибн-Фадлан поднес ему и его жене царские подарки. Этрэк, так же как и его зять, царь болгар, по-видимому, склонен был принять ислам. Это как нельзя более способствовало бы захвату власти той частью аристократии огузов, которая хотела бы ликвидировать старые родовые порядки.

Ибн-Фадлан в своих рассказах об огузах отмечает, что они проявляли определенный интерес к исламу, охотно слушали чтение Корана, расспрашивали об Аллахе и даже по-своему, по-тюркски, иногда молились единому богу. Ему кажется, что почва для принятия ислама среди них есть. Он даже пытается при случае поучать их в этом духе. Но вообще-то он не думает обращать огузов в ислам путем проповеди. Он не говорит об этом даже с их «главарем Йыналом, который в свое время уже принял было ислам. Нет, он просто отиравается к их военачальнику Этрэку с переводчиком, подарками и письмом от Назира ал-Харамы, в котором последний предлагает ему принять ислам. То обстоятельство, что писал Назир, а не сам халиф, объясняется, вероятно, «дипломатическими соображениями», именно тем, что Этрэк не являлся главой государства, к тому же он был «неверный». Таким образом, писать к нему халиф считал ниже своего достоинства. Действующим лицом здесь также был не официальный посол халифа, а секретарь посольства Ибн-Фадлан.

Он, конечно, достиг бы своей цели, если бы родовая демократия у огузов окончательно потеряла силу. Но это

Путь посольства Багдадского халифа аль-Муктадира к царю волжских булгар Алмушу сыну Шилки-элтабару в 922 году.

было не так. Оказывается, что один из «царей и главарей» огузов, упомянутый Йынал уже принял было ислам. «Но ему было сказано: «Если ты принял ислам, ты уже не главенствуешь над нами», тогда он отказался от своего ислама». После этого неудачного опыта неудивительно, что Этрэк отнесся к предложению принять ислам очень осторожно. Он чрезвычайно радушно принял посольство, устроил большое пиршество, снабдил послов провиантом, предоставил в их распоряжение скаковых лошадей, сам сопровождал их в поездке и показывал им свое искусство в стрельбе. Но относительно принятия ислама он сказал, что даст халифу ответ, когда послы будут ехать обратно.

Послы скоро убедились, что он был прав. Военачальники огузов, собранные Этрэком на совещание, обсуждали вопрос не о принятии ислама, а о том, как поступить с самими послами. Предложения были не особенно приятны для последних: или разрезать каждого из них пополам, или дочиста ограбить, или отдать их хазарам в обмен на пленных огузов. Интересно, что среди обсуждавших эти вопросы присутствовал и бывший мусульманин Йынал. До какой степени ограничен был политический кругозор этих военачальников, видно из того, что самый старый, уважаемый и «опытный» из нах Тархан высказал предположение, что посольство халифа имеет целью поднять против огузов войной хазар. Нелепость такого предположения легко показал Этрэк, но в то же время было совершенно очевидно, что эти люди не в состоянии понять широких замыслов халифского правительства. Таким образом, в стране огузов посольство потерпело полную дипломатическую неудачу и было радо, что смогло, по крайней мере, благополучно выбраться из нее.

Дальнейший путь шел через область враждебно настроенных башкир, от которых посольство старалось держаться подальше. Тем не менее Ибн-Фадлан и здесь ухитрился собрать интересные этнографические сведения, которые дают возможность сделать некоторые предположения о племенном составе башкир в то время. Ибн-Фадлан рассказывает, что у них имелись две отличные друг от друга системы религиозных представлений. Одни из башкир считали, что миром управляет верховный бог неба в согласии с двенадцатью богами, ведавшими отдельными явлениями природы. Как видно из контекста, Ибн-Фадлан узнал об этой системе верований из личной беседы (че-

рез переводчика, конечно) с одним из башкир. Конец его рассказа дает основание предполагать, что он вступил с этим башкиром даже в своего рода диспут по вопросу о единобожии.

Какая именно часть башкир держалась данной религиозной системы, Ибн-Фадлан не уточняет. Он сообщает лишь неопределенно: «кое-кто из них говорит...». Зато в второй категории более примитивных верований он точно сообщает, что их держались отдельные «кланы», или «группы», каждая из которых поклонялась или змеям, или рыбам, или журавлям. Перед нами явные пережитки тотемистических представлений, еще связанных с определенными родовыми делениями, Ибн-Фадлан, по-видимому, сам наблюдал эти культы, но непосредственно с этими людьми не говорил. Ему лишь «сообщили» объяснение одного из этих культов, а именно культа журавлей, даваемое их поклонниками.

«Объяснение» носит явно позднейший характер. Оно могло возникнуть лишь тогда, когда породивший этот культ общественный строй был уже пережит, а поэтому первоначальный смысл данных верований был утрачен. Впрочем, мы не можем быть уверены, что это объяснение было присуще самим поклонникам журавлей. Возможно, что они давали его лишь для посторонних. Все же ясно, что поклонники змей, рыб и журавлей составляли часть населения, имевшую более примитивный общественный строй, чем поклонники тринадцати богов природы.

Переправляясь через реки в стране огузов, причем, по-видимому, уже через первую из них, реку Чаган у подножья Северного Чинка, путешественники высылали вперед военный эскорт «из боязни башкир, что они нападут врасплох на людей, когда они будут переправляться». Вот как далеко на юг простирались набеги башкир! Но вряд ли эти набеги совершали те башкиры, которые входили в состав небольших групп поклонников змей, рыб и журавлей и объясняли свои военные «успехи» тем, что журавли будто бы напугали их врагов. Скорее это были те, которые среди своих тринадцати высших богов имели особого бога лошадей. Это были те башкиры, о которых Ибн-Фадлан говорит, что они «худшие из тюрок... более других посягающие на убийство». Таким образом, эти наездники, по крайней мере в преобладающей своей части, были турки. Тогда возможно, что остальная часть населения, «поклон-

ники журавлей», принадлежала к угорским племенам, родственным по языку мадьярам.

Послам халифа в стране башкир делать было нечего, а поэтому они поспешно ехали дальше, к своей конечной цели. Интересно отметить, что в районе Самарской Луки, между рекой Моча и Большим Черемшаном, посольство, по-видимому, старалось держаться подальше от Волги, так как здесь в устьях Самары, вероятно, господствовали хазары. Возможно, впрочем, что оно избегало затопленного весной низкого берега Волги с его болотами. Далее же путь послов шел ближе к берегу.

Наконец, посольство халифа прибыло в «страну славян». Здесь-то и находилось государство болгар, выросшее «в результате общественно-экономического развития нескольких народов, издавна занимавших берега среднего течения Волги и ее притоков». В процессе создания этого государства болгары играли ведущую роль. В начале X века родовой строй здесь был уже изжит. Перед нами определенно классовое общество дофеодалного типа, где основными производителями являются свободные общинники, где рабы отчасти уже применяются на работе в хозяйстве, но в основном являются еще товаром на вывоз.

Значительную роль в хозяйстве занимает земледелие. Посланцы болгарского царя, выехавшие навстречу посольству, встречают его, «неся с собой хлеб, мясо и просо» в качестве главных продуктов страны. «Пища их просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве». «Очень вероятно,— говорит Б. Д. Греков,— что подсека не была в это время окончательно ликвидирована, но несомненно, что более совершенный способ обработки земли при помощи пашущего орудия в X в. был болгарам уже хорошо известен и прочно вошел в жизнь».

Пашни уже были в индивидуальном владении, причем «каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя».

Основной податной единицей являлся «дом». Правда, «семья» иногда бывала велика — до 5000 женщин и мужчин. Но это уже не род, а богатая знатная фамилия, куда входили не одни родственники. Главы таких семей, «главари», владели рабами и землями. Наряду с оседлым земледелием у болгар сохранились и значительные пережитки кочевания, что было связано со скотоводством, как самостоятельной отраслью хозяйства. Можно утверждать, что

кочевание было присуще, главным образом, знати, владевшей большими стадами.

На базе уже сложившегося классового общества образовалось государство. Во главе его стоял царь болгар, или царь «славян», претендовавший на абсолютную власть. Он восседал на троне, покрытом византийской парчой, в его присутствии все, «мал и велик», включительно до его сыновей и братьев, обязательно снимают шапки и принимают почтительную позу. Рядом с главным царем имеются цари-князья. Однако эти князья, по крайней мере четверо из них, «находятся у него под рукой», т. е. в подчинении, или «в повиновении». По его приказу они выезжают встречать посольство, присутствуют на аудиенции царя и поддерживают его во всех мероприятиях. Далее мы видим, что царя окружает знать: «предводители», «знатные лица из жителей его государства».

Соответственно своему положению, царь получал подать — «с каждого дома шкуру соболя», обязательные подношения с каждого свадебного пиршества, десятую часть привозимых товаров и часть добычи военного отряда, в походе которого он сам лично не принимал участия. Царь, очевидно, уже не созывал народных собраний для решения дел, а в лучшем случае совещался с наиболее влиятельными лицами из знати.

Не всем в Булгарском царстве нравились такие порядки. Однако до описываемых событий недовольство ими, по-видимому, еще не проявлялось слишком резко. Так, Ибн-Фадлан с удивлением отмечает, что царь ездит по базарам один, без всякой охраны. Правда, это было в самом центре его владений, где местное население, особенно торговцы, были заинтересованы в наличии сильной власти, гарантировавшей их прибыли. Но чем дальше от ставки, а главное, от торговых путей, тем сильнее были традиции родовой демократии, тем больше была оппозиция к власти царя и затеянному им переходу в ислам.

Совершенно очевидно, что именно для укрепления власти вновь создавшегося господствующего класса и для поднятия авторитета царя на большую высоту и понадобилось принятие ислама. Ислам, несомненно, проник в эту страну уже давно, именно из Средней Азии, благодаря торговым связям. Но он не имел здесь почвы, пока классовое общество не сложилось окончательно. Теперь царь и окружающая его знать стали всячески его поддерживать, привлекли из Средней Азии духовных лиц, которые

и начали провозглашать имя царя на хутбе. Однако все это было только началом. Была мечеть, а молиться в ней не умели, ближайший к царю князь племени эскэл, зять царя, официально еще не принял мусульманства, да и сам царь тоже еще не имел мусульманского имени. Нужно было обратиться к какому-то авторитетному в мусульманском мире лицу, чтобы довести исламизацию до конца.

Кроме этих причин внутреннего характера, была также весьма важная внешняя причина принятия ислама. Формирование Булгарского государства было тесно связано с торговлей. И образовалось то оно на стыке торговых путей на средней Волге. От Ибн-Фадлана мы узнаем, что «у них (булгар) много купцов, которые отправляются в землю тюрок и привозят овец, и в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц». Упомянутая здесь страна северного народа вису (летописная «весь») была тесно связана с приволжскими булгарами. Царь даже вел с тамошним народом переписку. Путь в «землю тюрок» был тот самый, которым приехало посольство. Он шел через область башкир к огузам, а оттуда в Хорезм и государство Саманидов. Однако был еще третий путь, именно по Волге, «из страны хазар в страну славян».

Географическое положение Хазарского и Булгарского царств было таково, что интересы их находились в непримиримом противоречии. Все северные пути по Волге и ее притокам были для булгар открыты. Оттуда приезжали русы, но и булгарские купцы проникали туда. Путь же вниз по Волге был прегражден Хазарским царством. Хазария со своей стороны была крайне заинтересована вести торговлю непосредственно с северными странами, а Булгария также преграждала ей дорогу. Отсюда упорное стремление хазарского хакана подчинить себе Булгарское царство. Временно ему это удавалось. Булгары и их царь, как он сам говорит, были «в порабощении» у хазар. Сын булгарского царя находился в заложниках у хакана хазар.

Между тем, не будучи в силах оказать военное сопротивление хазарскому царю, не имея даже крепости, экономически булгары могли чувствовать себя довольно независимо от Хазарии. Ведь в их распоряжении имелась прямая сухопутная дорога через Заволжье в Среднюю Азию, куда они легко могли сбывать все свои товары. Некоторым препятствием здесь являлись башкиры, но хороший эскорт всегда мог защитить от них караван. Бул-

гары могли здесь даже зарабатывать на охране купцов.

Итак, для укрепления своей военной мощи Булгарскому царству нужно было искать союзников. Таким союзником в первую очередь были огузы, которые вели ожесточенные войны с Хазарией. Стоило в их стране появиться какому-то посольству, как у них в первую очередь возникло предположение, что «не иначе как (этот) государь устраивает хитрость и направляет этих (людей) к хазарам, чтобы поднять их войной против нас». Тут же мы узнаем, что у хазар имелись пленные огузы. Поэтому и огузы были заинтересованы в союзе с булгарами против Хазарии. Этот союз поддерживала племенная аристократия огузов, в особенности начальник их войска Этрэк. Этрэк отдал за булгарского царя свою дочь или сестру, он всячески покровительствовал посольству халифа, осуществление политических задач которого считал для себя выгодным. Он не прочь был последовать примеру своего зятя, булгарского царя, и принять ислам.

Но последнее обстоятельство привело его в противоречие с той партией огузов, которая, вероятно, группировалась около царя «йабгу» и его заместителя «кюзеркина». «Кюзеркин» был тоже весьма влиятельным лицом. Мы видим его в роли судьи. Послы ссылаются на его покровительство, заявляя, что они «друзья» кюзеркина. Но у этого кюзеркина они, по-видимому, так и не были, и уж, безусловно, не были у царя йабгу, ставка которого находилась дальше на востоке, в городе Янгикент, в низовьях Сыр-Дарьи. Мы видим, что посольство, желавшее обратить огузов в ислам, не обращалось к их царю. Разгадка этого, вероятно, заключается в том, что огузы, кроме войны с хазарами, вели также постоянную борьбу с Хорезмом и с Саманидским государством. «Война с огузами,— пишет С. П. Толстов,— это явление повседневного быта хорезмийцев X века,— закрепляется традиционными обычаями и даже обрядами». По сообщению Бируни, осенью они выступали в «традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ».

Хорезмшах, убеждая в своей речи послов не двигаться дальше на север, подчеркивает, что им предстоит проехать через «тысячу племен неверных». Он заявляет, что саманидский эмир имел бы больше права, чем послы халифа, утверждать его верховную власть в этой стране, «если бы он нашел (это) полезным». Но в стране булгар ислам все же укреплялся, значит, препятствием для миссионерской

деятельности были именно огузы, так как между Хорезмом и огузами отношения были весьма недружелюбны. А царь булгар, принимая ислам, шел на сближение с государствами Средней Азии. Этого же, как мы указывали, требовали и интересы торговли, шедшей по большой дороге в степи от Хорезма до Булгарии.

Вот это-то противоречие и хотел обойти царь булгар, обращаясь за помощью не в Среднюю Азию, а в Багдад. Багдад, как мы видели, был весьма заинтересован в разгроме Хазарии и открытии прямого водного пути на север. К этому стремился и булгарский царь. Наоборот, для среднеазиатских государств разгром Хазарии был невыгоден, так как он, открывая свободный путь по Волге, подрывал бы их сухопутную торговлю с севером. Выше было указано, что широкие планы багдадского правительства, связанные с отправкой посольства, были отчасти направлены и против Средней Азии. Мы видели, что хорезмшах упорно пытался не пустить посольство дальше на север.

В самой Хазарии также шла ожесточенная борьба партий. Хазарский каганат в это время уже клонился к своему упадку. Государство это было многоплеменное. Население его, в том числе и сами хазары, вело полукошачье, полуседлое хозяйство. Вместе с тем Хазария являлась центром самых широких торговых связей с Киевской Русью, Византией, Ираном и Средней Азией. Из рассказа Ибн-Хордадбега мы знаем, что в IX веке через Хазарию пролегал далекий торговый путь из арабской Испании в Китай.

Экспедиция, посланная в 40-х годах этого века халифом ал-Васиком для отыскания северной стены, якобы построенной Александром Македонским, была направлена сначала именно в столицу Хазарии Итиль. Описание ее путешествия дал ее руководитель Саллам, по прозвищу Переводчик. Из его рассказа мы видим, что в Итиле хазарское правительство дало экспедиции проводников, приведших ее, по-видимому, к воротам Великой китайской стены. Эти торговые связи поддерживали как местные, так и приезжие купцы. Аристократия Хазарии вместе с хаканом приняла иудейскую религию и объявила ее государственной, но не смогла сделать ее господствующей даже в собственной столице. Социальная опора этой аристократии к X веку сильно ослабела. Подчиненные народы стали все более освобождаться из-под господства хазар, а с другой стороны крепла мусульманская партия.

В Хазарии было много мусульман, в частности мусульманских купцов и ремесленников. Известно, что на службе у хакана находилась наемная гвардия из мусульман, главным образом, хорезмийского происхождения. В столице Хазарии был особый, назначенный правительством, судья для мусульман, была мечеть с минаретом. Это мусульманское войско, имевшее формальный договор с хаканом, не могло быть использовано в войне против их единоверцев — мусульман. До описываемых событий это обстоятельство не имело особого значения. Главное мусульманское государство, соседившее с Хазарией, был Хорезм, находившийся с ней в дружественных отношениях и имевший общего врага в лице огузов. Но принятие мусульманства булгарами совершенно меняло положение дела. Булгарский царь приобретал в лице хазарских мусульман верных союзников. Хазарский мусульманин оказался даже послом царя к халифу.

Царь болгар понимал, что халиф не может оказать ему никакой военной помощи. Самое большое, что он мог сделать в этом отношении, это помочь построить крепость. Но признание халифа своим главой давало большой авторитет власти болгарского царя в глазах и его подданных и соседних народов. К тому же оно давало возможность Болгарии покончить с зависимостью от государства Саманидов и Хорезма, облегчало союз с огузами, даже если бы они не приняли ислама.

Итак, через 70 дней после отъезда из Джурждании посольство прибыло к царю болгар. Порядок встречи и дальнейший ход событий был следующий.

«На расстоянии дня и ночи пути» от ставки царя послов встретили высланные вперед четыре царя-князя, братья и сыновья царя болгар.

12 мая 922 г., в воскресенье, посольство прибыло в ставку царя болгар.

Три дня — 13, 14, 15 мая — царь собирал «царей», «предводителей» и знать своего государства. В это время он вел переговоры с Ибн-Фадланом о форме хутбы и о различных обрядах. Ибн-Фадлан настаивал на введении обряда чтения одной икамы, как было принято в Багдаде, вместо двойной икамы по обычаю Средней Азии. Он занимался также усердными наблюдениями природы новой страны, расспросами царя, муэдзина и других местных жителей (в том числе жившего здесь портного из Багдада).

16 мая, в четверг, состоялось торжественное облечение царя болгар властью. Развернули два знамени, оседлали лошадь привезенным из Багдада седлом, надели на царя официальное черное одеяние аббасидских вельмож «савад» и тюрбан. Руководил всем этим посол Сусан. Далее состоялось торжественное чтение писем халифа, везира и Назира ал-Харами. Чтение первых двух писем царь и все присутствующие, по приглашению Ибн-Фадлана, выслушали стоя. После этого Ибн-Фадлан вручил подарки царю и его жене.

В тот же день, «через какой-нибудь час» был дан парадный банкет с тостами в честь халифа.

17 мая, в пятницу, очевидно, произошло первое богослужение, когда была провозглашена новая хутба с новым мусульманским именем царя и титулом «клиент повелителя правоверных».

19 мая, в воскресенье, «когда прошло три дня после прочтения письма и вручение подарков», царь вызвал к себе Ибн-Фадлана, бросил перед ним письма халифа и везира и устроил бурную сцену по поводу недоставленных 4000 динаров. Он требовал эти деньги с Ибн-Фадлана, как единственного ответственного лица в посольстве.

После этого царь приказал вновь ввести среднеазиатский обряд двойной икамы. Возмущенный этим, Ибн-Фадлан сделал хатибу выговор.

Царь призывает к себе все посольство и устраивает своеобразный «диспут», подсказанный ему его советниками из среднеазиатского духовенства. Показав послам всю «гнусность» совершенного ими поступка — недоставления 4000 динаров — царь на этом основании отказывается принять от них багдадский мусульманский обряд и остается при среднеазиатском. Это объясняется тем, что введение единичной или удвоенной икамы влекло за собой принятие также всей системы обрядов шафиитского или ханифитского толков. Между тем для царства болгар сохранение ханифитского обряда было необходимо ввиду уже установившихся тесных торговых и культурных связей со странами Средней Азии. В стране болгар жили среднеазиатские купцы, были даже женщины-хорезмийки. В результате такой перемены в настроении царя авторитет халифского посольства был поколеблен. Однако, не желая окончательно порывать с халифом, царь в дальнейшем оказывает особое внимание Ибн-Фадлану и называет его «Абу-Бекр Правдивый».

Уже значительно позднее царь в разговоре с Ибн-Фадланом утверждал, что деньги халифа, как таковые: были ему, собственно, не нужны, так как для постройки крепости у него самого было достаточно серебра и золота. Он хотел лишь получить благословение от денег повелителя правоверных, потому что средства халифа «берутся из дозволенных (религиозным законом) источников». Эти слова имели не только дипломатическое значение, но выражали действительное «магическое» представление царя о халифе. В другом месте царь выражает свой страх перед проклятием халифа.

После описанных событий, приблизительно до середины июня, Ибн-Фадлан оставался в ставке царя около Трех Озер (ныне озеро Чистое, Курышевское и Атманское), наблюдал в соседних лесах змей, ездил с царем верхом смотреть кости умершего великана, наконец, проводил время на базаре на берегу реки Атыл. Здесь же, на берегу этой реки, в одну из пятниц он наблюдал и знаменитое сожжение умершего руса.

Между тем в Хазарии произошли большие события. Весть о прибытии в страну болгар посольства халифа и об окончательном утверждении там ислама вызвала большое возбуждение, прежде всего среди местных мусульман. Главными агитаторами оказались представители мусульманского духовенства, особенно, по-видимому, муэззины местной мечети. Однако, несмотря на наличие значительной мусульманской партии, опиравшейся на военную силу, правительство хакана чувствовало себя достаточно крепким, чтобы принять репрессивные меры. Так как на основную причину волнений — посольство халифа к царю болгар — ссылаться было нельзя, то хакан выдвинул в качестве предлога разрушение мусульманами синагоги в каком-то Дар-ал-Бабунадж. Персидский характер второй части этого названия указывает на то, что это было предместье или квартал в одном из городов Ирана или, может быть, в самом Багдаде; Ибн-Фадлан говорит о нем, как о чем-то хорошо известном его читателям.

Итак, царь хазар «приказал, чтобы минарет (в столице Хазарии) был разрушен, казнил муэззинов и сказал: «если бы, право же, я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы (и) мечеть». Было это, как говорит Ибн-Фадлан, в 310 г. хиджры. Как сказано, посольство прибыло к царю болгар 12 мая 922 г., а год 310 начался

только что перед этим — 1 мая. Значит, описанные события произошли как раз во время пребывания посольства в стране болгар, летом 922 г., причем тут же Ибн-Фадлан о них и узнал.

Объяснение хакана, почему он не разрушил также и мечеть, отчасти, вероятно, правильно. В другое время разрушение мечети в Хазарии, может быть, и не произвело бы особого впечатления в халифате, но теперь, когда взоры Багдада как ни как были обращены на далекий север, могли последовать большие репрессии против иудейского населения. Но была, конечно, и другая, более важная причина. Разрушение мечети привело бы к крайнему обострению конфликта и могло вызвать серьезное восстание мусульман в Хазарии.

Тем временем царь болгар быстро завершал исламизацию. Как уже было сказано, прибывшие 12 мая 922 г. на север посольство халифа застало царя болгар в его ставке около Трех Озер, в расстоянии нескольких километров от Волги. В конце июня или в июле царь отправился от этих Трех Озер на север, к небольшой речке Джавшыр, и потребовал, чтобы болгарские племена отправились туда вместе с ним. Там, по-видимому, должно было произойти окончательное всенародное принятие ислама. Посольство, конечно, поехало с царем. Вот что мы узнали об этом из сохранившегося текста Ибн-Фадлана:

«И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Джавшыр и оставался около нее два месяца. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка (племен), и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. (Они) же отказали ему. И (они) разделились на две партии. Одна партия с (разным) отребьем и над ними (еще раньше) провозгласил семя (самозванным) князем (некто) по имени Вырыг. И послал к ним царь и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я — раб его (Аллаха), и это — дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противобречь, того я поражу мечом». — Другая же партия была вместе с князем из (кочевого) племени, которого называли князем (племени) эскэл. Он был у него в повиновении, хотя еще не принял ислама. — Когда же он (царь) послал им (первой партии) это послание, то (они) испугались его намерения и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр».

Из этого рассказа видно, что среди суваз и болгарских племен против принятия ислама действовала целая партия. Основная масса племени суваз отказалась ехать вместе с царем. Во главе недовольных стал некто Вырыг, который, по словам Ибн-Фадлана, самовольно провозгласил себя князем. Участников этой партии Ибн-Фадлан называет «отребьем». В других местах своего сочинения словами этого же корня он обозначает бедняков из свободного населения огузов, в том числе и «самого жалкого» из членов «совета» у огузов. Вот тут-то царю и пришлось впервые прибегнуть к авторитету «верховой власти повелителя правоверных». Ссылаясь на эту мнимую власть, он угрожал непокорным мечом и заставил их повиноваться.

Название племени «суваз», вместо болгарской формы «сувар», нельзя объяснить ошибкой переписчика, поставившего лишнюю точку над арабской буквой «р». Это «з» не может быть также отражением произношения среднеазиатских тюрок, окружавших Ибн-Фадлана. Хотя, как известно, болгаро-чувашскому «р» соответствует в других тюркских языках «з», но в этих последних имеется также и звук «р», а потому спутники Ибн-Фадлана, тюрки из Средней Азии, все же не стали бы произносить местное название племени «сувар» или реки «Джавшыр», как «суваз» и «Джавшыз». Следовательно, у Ибн-Фадлана мы имеем здесь передачу местных диалектальных различий, причем форма «суваз» соответствует современному названию чуваш — «чаваш».

Надо полагать, что после угроз болгарского царя за ним последовала лишь часть племени суваз, вероятно, главным образом, знать. Основная же масса отказалась принять ислам и постепенно стала переходить в более отдаленные места на запад, на правый берег Волги. Эта часть и сохранила прежнее название сувас-чуваш. Оставшаяся часть составила основу населения княжества Сувар и в дальнейшем слилась с булгарами.

Ибн-Фадлан пишет, что царь болгар пробыл у реки Джавшыр два месяца. Так как он приводит точные данные о глубине этой реки и описывает окружающую местность, то ясно, что он сам там был. Что происходило на этой реке, мы не знаем, так как Мешхедская рукопись является сокращением и к тому же конец ее утерян.

Установить сколько-нибудь точно время отъезда посольства невозможно. Ясно лишь одно, что Ибн-Фадлан на севере на зимовал. С другой стороны, рассказывая со

слов местных жителей о коротких днях зимой, он добавляет: «И мы (посольство) не покинули (этой) страны, пока ночи не удлинились, а дни не сократились». Из общего политического положения явствует, что посольство не могло возвращаться через Хазарию, а ехало прежним путем через страну огузов. Это подтверждают и слова Этрэка, что он даст ответ халифу по вопросу о принятии ислама при обратном проезде посольства. Несомненно, Ибн-Фадлан постарался побывать у него на обратном пути. Так как пребывание у реки Джавшыр продолжалось два месяца, а обратный путь до Джурджании без остановок должен был занять тоже два месяца, то в Хорезм посольство прибыло к концу октября или позже.

Мы видели, что в свое время посол царя 'Абдаллах сын Башту прибыл в Багдад в мае 921 г. и, очевидно, зимовал в Средней Азии. Надо полагать, что и посольство на обратном пути тоже зимовало в Хорезме и приехало в Багдад весной 923 г. На этот раз путь его лежал, вероятно, не через Бухару, а от Джурджании прямо на юг, через Кара-Кумы к городу Ниса (около нынешнего Ашхабада). Кроме общего соображения, что посольству в сущности незачем было снова заезжать в Бухару, мы имеем и более конкретное указание на этот путь.

Ибн-Фадлан сообщает, что на расстоянии одного дня пути от Джурджании находилось селение Ардакуа. Ал-Мукаддаси дает вышеупомянутый маршрут пути от Джурджании на город Ниса в северном Иране, причем у него Ардакуа оказывается как раз первой остановкой на этом пути. Об этом селении Ибн-Фадлан пишет: «Население его называется кардалийцы. Их разговор похож на кваканье лягушек»; они отрекаются от халифа 'Али в конце каждой молитвы. Слышанный им разговор хорезмийцев он характеризует как крик скворцов. Надо полагать, что о «кваканьи» кардалийцев Ибн-Фадлан сообщает по личным впечатлениям, а не со слов какого-либо хорезмийца. Слышать же речь кардалийцев он мог лишь на месте, в Ардакуа, а не во время своей зимовки в Джурджании, когда даже и местные жители не показывались на базарах и улицах города. Иначе говоря, он, по-видимому, проезжал через Ардакуа.

Так или иначе, весной 923 г. посольство возвратилось в Багдад. Привезло оно не очень веселые вести. Ничего из задуманных планов не было выполнено. Правда, саманидский эмир оказал посольству всяческое содействие и

почет, царь болгар — еще больший. Но для политики халифского правительства результаты равнялись нулю. Огузы ислама не приняли, царь болгар, не получив денег на постройку крепости, изверился в оказании ему халифом помощи и предпочел сохранить тесную связь со Средней Азией. В Хазарии мусульманская партия подверглась репрессиям и была временно подавлена.

Участники посольства сваливали друг на друга ответственность за неудачу. В известном нам тексте сочинения Ибн-Фадлана во многих местах сквозит стремление оправдать себя, показать активность своих действий, свою непричастность к ошибкам, подчеркивание того, что он, Ибн-Фадлан, предостерегал своих спутников от этих ошибок или волей-неволей вынужден был действовать по их настоянию. Эти места, как и описания официальных приемов, где Ибн-Фадлан подчеркивает свою заботу о поддержании престижа повелителя правоверных, несомненно, взяты из его официального отчета, как секретаря посольства, халифскому правительству.

Но все это никого из придворных уже не интересовало. Умы были заняты другими «событиями». В истекшем 310 году в Омане была поймана огромная рыба, из которой было извлечено 500 кувшинов жиру. Часть ее была привезена в Багдад на показ Халифу ал-Муктадиру. «Право же, — передает рассказчик, — челюсть рыбы подняли вверх и внесли через окно, так как она не входила в дверь».

Таким образом, Ибн-Фадлану ничего более не оставалось делать, как подробно описать все, «что он видел собственными глазами со времени своего выезда из Багдада и до того, как он возвратился в него. Для привлечения внимания читателей он передавал здесь также некоторые северные легендарные рассказы, в том числе об огромной рыбе. Но все было напрасно. Его правдивый рассказ не мог конкурировать ни с муравьем на железной цепи, ни с черепом рыбы в Йемене, внутрь которого рассказчик сам лично входил, выпрямившись, не нагибаясь, через одно глазное отверстие и выходил через другое. Книга его была забыта, потом погибла и сохранилась лишь в Средней Азии в сокращенном виде и в частичных пересказах.

Но дипломатическая история посольства на этом не кончилась. Несколько лет спустя, еще при жизни ал-Муктадира, который умер в 932 г., в Багдад явились гости с далекого севера — целое посольство во главе с самим сы-

ном царя болгар. Они направлялись на поклонение в Мекку, но привезли с собой для ал-Муктадира «знамя, савад и деньги». Ал-Мас'уди, который сообщает об этом событии, непосредственно перед этим рассказывает о драгоценных шкурах черных буртасских лисиц, причем, по его словам, цари старались обязательно приобрести себе кафтаны и мантии, подбитые «этими черными буртасскими лисицами». Естественно предположить, что болгарское посольство привезло «савад» именно из таких лисиц. Знамя, привезенное посольством, соответствовало двум знаменам, привезенным в свое время на север Ибн-Фадланом. Деньги означали дань болгарского царя, как «клиента повелителя правоверных». Таким образом, это было ответом на посольство халифа 922 г.

Особого впечатления в Багдаде приезд гостей не произвел. Ал-Мас'уди, обычно столь хорошо осведомленный, замечает лишь, что болгарский царь в 310 году принял ислам благодаря виденному сну. Таково было, вероятно, официальное объяснение рвения царя к исламу. Но о посольстве халифа на север, об Ибн-Фадлане и его сочинении ни ал-Мас'уди, ни кто-либо другой из писателей того времени не упоминает ни одним словом.

Приезд болгарского посольства не имел политических последствий, как не имело их и посольство халифа к царю болгар 921—922 гг. Как уже указывалось, ни один из широко задуманных планов халифата, связанных с посольством, не был осуществлен.

СОДЕРЖАНИЕ

Свет, пришедший с Востока

3

Книга Ахмеда ибн-Фадлана, посла халифа аль-Муктадира
к царю сакалиба

10

Посольство Багдадского халифа к царю Волжских Булгар
в 921—922 годах

55

Редактор *Р. Абдуллин*
Художник *Р. Шамсутдинов*
Технический редактор *В. Галкина*

Сдано в набор 7.05.92. Подписано в печать 11.05.92. Формат
84×108¹/₃₂. Печ. л. 3,0. Тираж 50 000 экз. Заказ Ч-141.

Полиграфическое производственное объединение им. Ка-
миля Якуба
420111, Казань, Баумана, 19.